

18+

Колесов Михаил Семенович

RETRO

Михаил Колесов

RETRO

«Издательские решения»

Колесов М.

RETRO / М. Колесов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-531023-1

Включенные в сборник рассказы и очерки, написанные в литературном стиле «non fiction», представляют собой некое возвращение в еще недавнее, но уже далекое прошлое страны, которой сейчас нет. В них автор стремился воспроизвести атмосферу «советского образа жизни». Написанные позже очерки и эссе, фактически, о том же прошлом, которое напоминает о себе сегодня. Книга представляет интерес, прежде всего, для современной молодежи, которая хотела бы понять смысл жизни предшествующего поколения.

ISBN 978-5-00-531023-1

© Колесов М.
© Издательские решения

Содержание

От автора	6
Один день в Севастополе	7
Кубинские юморески	10
Жертва неизвестности	10
«Светит незнакомая звезда...»	12
«Путь к причалу...»	15
Карельские рассказы	18
Ночной звонок	18
«Интеллигентная сволочь»	25
Чарли	29
Танки в снегу	32
Стерва	40
«Десант» в ночи	45
Конец ознакомительного фрагмента.	46

RETRO

Михаил Колесов

© Михаил Колесов, 2021

ISBN 978-5-0053-1023-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От автора

Термин «Ретро» (лат. *Retro* – «назад», «обращённый к прошлому») имеет двойное значение. Первое – прошлое, которое было совсем недавно, но уже ушло безвозвратно. Второе – забытый стиль в искусстве («ретростиль»).

О «советском прошлом» существует большая литературная библиография, которая создала, благодаря канонизированному методу «соцреализма», определенный литературный имидж «советского образа жизни», (успешно закрепленный кинематографом). Но «советская» литература осталась в той эпохе, которой она принадлежала. И почти никто из советских «классиков» не перешагнул рубеж нового времени. Ретроспективный взгляд на «советское время» в современной литературе – это сегодня пока *terra ignota*.

И здесь возникает вопрос: можно ли сегодня писать о прошлом, например, в популярном стиле ретроспективной «фэнтези» (как пишут современные «исторические романы»? Вероятно, можно... и такие произведения найдут своего читателя. Однако к реальному опыту прошлого эта литература не имеет никакого отношения. Можно сочинить любой сюжет на тему «ретро», но нельзя воспроизвести не пережитый опыт прошлого. Такому автору не поверит читатель. Между тем современная беллетристика интересна, прежде всего, своей психологической достоверностью, достоверной мотивацией действия и характеров. А понять смысл авторской идеи можно лишь в соответствующем временном контексте. Сегодня очевиден запрос в литературе на «правду времени»...

Но тут возникает проблема адекватности литературной формы, которая обращена к современному читателю. Эстетика литературной формы (как и искусства в целом) в контексте современной культуры меняется настолько стремительно, что уловить этот темп чрезвычайно трудно. Как следствие такого «непопадания в тренд» – издержки «литературного рынка». Однако рыночный «спрос» никогда не был критерием литературности произведения. Здесь, как заметил одесский классик: «либо популярность, либо вечность».

Рассказы и очерки автора написаны в стиле «ретро» как адекватной литературной форме его времени. Представляемый сборник является продолжением книги автора «Меньшиковский дворец». Обе книги охватывают, в основном, период от 50-х годов до конца прошлого века. Автор стремится показать своему читателю, *как это было*... А было иногда не так уж плохо, как могло бы быть. Но не все было настолько хорошо, насколько представляется сегодня некоторым «советофилам». Здесь, как и вообще в жизни, точка зрения зависит от личного опыта человека.

Один день в Севастополе

Рассказ в стиле ретро

Когда отец узнал, что я ушел со «стройки», он был раздосадован.

– Куда ты теперь пойдешь? Где ты сейчас найдешь другую работу? – ворчал он.

– Найду, – ответил я, хотя понимал, что отец прав. Найти так просто в нашем поселке другую работу было нереально.

Мать потом посоветовала:

– Поезжай в Севастополь, может быть, удастся там устроиться на завод.

Дело в том, что в Севастополе были старые друзья моих родителей, бывшие сослуживцы по Дальнему Востоку. Они жили в районе Малахова кургана. К ним на квартиру я и заявился на следующий день.

Приняли меня радушно и посоветовали обратиться на рядом находившийся Морзавод.

В отделе кадров завода я был встречен благожелательно.

– Действительно, – сказали мне, – молодые ребята нам нужны.

– Но сколько тебе лет? – спросил инспектор.

– Семнадцать, – правдиво ответил я.

Настроение у инспектора заметно изменилось.

– Мы тебя не возьмем, – неожиданно сказал он.

– Почему? – удивился я.

– Потому что через полгода тебя заберут в армию, а нам, чтобы тебя допустить к станку, нужно еще несколько месяцев обучать. Так что посуди сам, какой интерес нам тебя брать.

– Что же мне делать? – удрученно спросил я. – Может быть, вы мне что-нибудь посоветуете?

– Нет, парень, в нашем городе тебя не возьмут ни на один завод, разве что на стройку, – прямо сказал инспектор. – Отслужишь в армии и приходи к нам, мы тебя возьмем с удовольствием.

Было ясно, что инспектор прав, но такая перспектива меня, конечно, не устраивала.

С отвратительным настроением, понимая, что мне придется возвращаться домой, я вышел из заводоуправления и побрел к Малахову кургану. Там на площади был деревянный пивной ларек, у которого стояло несколько мужиков. Подойдя к ним, я занял очередь за каким-то молодым парнем. Мы взяли по кружке пива, и отошли в сторону. Парень оказался моим ровесником. Он учился в каком-то ПТУ.

– Ты откуда? – спросил он.

– Из Гурзуфа.

– А что здесь делаешь?

Я ему рассказал о своей неудаче.

– Приходи к нам, – предложил он, – у нас, как раз, идет дополнительный прием.

– — Я подумаю, – мне было сейчас безразлично. – Может быть, завтра зайду.

После того, как мы выпили по второй кружке, он предложил.

– Давай, погуляем по городу. Ты когда был здесь последний раз?

– Шесть лет назад.

– Ну, сейчас город совсем другой. Я тебе покажу много интересного.

– Пойдем, – согласился я. Мне все равно до вечера делать было нечего.

– А деньги у тебя есть? – спросил мой новый приятель.

– Да нет, с собой не так уж много.

Я не сказал ему, что мы находимся рядом с домом моих знакомых.

– Ладно, – небрежно бросил он, – что-нибудь придумаем.

Мы почему-то пошли не вниз к вокзалу и к центру города, а углубились в улицы, прилегавшие к Малахову кургану. Это была окраина города, застроенная, в основном, частными домами. Но среди них попадались каменные многоквартирные дома в два-три этажа, очевидно недавно построенные.

Когда мы подошли к одному из таких домов, мой приятель мне сказал:

– Это дом, в котором я живу с матерью. Но она никогда не дает мне ключ от квартиры, потому что мы с ней в плохих отношениях. Ее сейчас дома нет, она должна быть на работе. Ты поднимись на второй этаж, позвони в дверь квартиры. Если она вдруг откроет, спроси меня. Если никто не подойдет, возвращайся сюда.

– Хорошо, – ответил я, – не обратив сначала внимания на то, что он не назвал номер квартиры. Я без труда вычислил квартиру и на мой звонок никто, действительно, не ответил. Подойдя к приятелю, я сказал ему об этом.

– Ничего, я знаю, где у нее лежат деньги. Сделаем так. Видишь вон то окно, которое открыто. Когда я залезу в это окно и махну тебе рукой, заходи в подъезд и подходи к двери квартиры, я тебе открою.

Он забрался быстро по дереву на уровень второго этажа и по узкому карнизу влез в окно. Было видно, что он проделывает это не впервые. Я подошел к двери, которая уже была открыта. И оказался внутри обычной двухкомнатной квартиры. Мой приятель передвигался по ней уверенно, однако деньги он искал довольно долго. И почему-то не ответил на мой вопрос:

– Где твоя комната?

Когда я ему предложил, зайдя на кухню: «давай, поедим немного», – он крикнул из комнаты:

– Некогда, поедим в городе.

В конце концов, деньги он нашел, ничего больше не взяв.

Мы захлопнули дверь квартиры, и вышли на улицу. Мой приятель был в возбужденном настроении.

– Ну, теперь мы можем погулять, – весело воскликнул он.

Мы отправились в центр города. Севастополь, действительно, с того времени, когда я его увидел первый раз, очень изменился. Почти полностью был восстановлен центр: улицы, площади, дома. Работали магазины и кинотеатры. Несмотря на то, что день был рабочим, повсюду было очень много людей. Преобладали, конечно, черный и голубой цвета формы офицеров и матросов, которые строем и поодиночке заполняли улицы города. Казалось, что в городе мужская часть населения только военная. В этой уличной среде я ощущал себя кем-то посторонним, случайно здесь оказавшимся.

Мы прошли по улице Ленина к Приморскому бульвару, затем по Большой морской подошли к Историческому бульвару и поднялись на холм. Открывшаяся панорама города была потрясающая. Мы долго сидели на бруствере бастиона и разговаривали.

Потом мы покупали мороженое и всякую съестную мелочь. Наконец, зашли в один из гастрономов на Большой морской, в котором я впервые попробовал черный кофе... с коньяком. Оглядывая небольшую кампанию за несколькими столиками-стойками зала, я понял, что этот напиток весьма популярен среди местной молодежи. Мой приятель предложил мне пойти в ресторан. Но, уже заподозрив неладное, я отказался. Это ему не понравилось и настроение у него явно испортилось.

Я уже догадался, что в той квартире, в которой мы побывали, он не жил, хотя, возможно, он в ней бывал. Чувства мои по этому поводу были весьма странные: с одной стороны, я понимал, что произошла заурядная квартирная кража, но, с другой, – обыденность случившегося вызывала ощущение какой-то нереальности. Казалось, что этого со мной произойти не могло. У меня было такое впечатление, как будто я видел себя на экране, сидя в зале кинотеатра.

Говорить об этом с моим приятелем я не хотел не потому, что я боялся этого симпатичного и щедрого парня, а потому что не хотел узнать, что он – вор.

Мы распрощались достаточно сдержанно, хотя договорились, что завтра встретимся, чтобы пойти в его училище. Но я уже принял решение, что возвращаюсь домой.

Выйдя из троллейбуса на остановке «Матрос Кошка» у Морзавода, я неожиданно услышал, что заговорил радиорепродуктор, который, оказывается, был подвешен на столбе. Все находившиеся на остановке тоже удивленно подняли головы и... насторожились.

– Внимание всем! Работают все радиостанции Советского Союза! Через несколько минут будет передано важное сообщение...

Повторив несколько раз это предупреждение, комментатор сообщил о запуске космического корабля с Юрием Гагариным на борту.

– Советский человек в космосе! Ура! – кричали все вокруг меня.

Было 12 апреля 1961 года.

*«Литературная газета +Курьер культуры. Крым-Севастополь» №20 (92).
25 октября 2018*

Кубинские юморески

Жертва неизвестности

«...А то погибнут в неизвестности моя любовь и красота».
Популярная советская песня

В октябре 1966 года в Гаване, на Кубе, проходила Международная шахматная Олимпиада. Соотечественники Хосе Рауля Капабланки восприняли это событие с большим патристическим энтузиазмом. Вся дорога от аэропорта им. Хосе Марти до столичной гостиницы «Гавана Либре» была украшена шахматной символикой. Перед фасадом многоэтажной гостиницы была размещена огромная неоновая шахматная доска, перед которой каждый вечер собиралась большая толпа кубинцев с тем, чтобы весьма эмоционально сопереживать ход очередного матча.

Самая большая группа участников олимпиады была советская, в которую помимо гроссмейстеров и их тренеров, входили несколько известных артистов, в том числе и киноактеров. К их приезду в Гаване было организовано нечто подобное «фестивалю» советских фильмов. Но фильмы эти, до сих пор неизвестные на Кубе, демонстрировались, главным образом, в дешевых кинозалах на окраинах города на детских утренних сеансах. На эти сеансы возили актеров, где они «выступали» в почти пустых темных залах и были в восторге от общения с революционным народом. На улицах города к ним цеплялась детвора и улыбались прохожие, что они принимали за свою популярность, не подозревая, что их принимают за участников олимпиады. Конечно, никто из них не знал испанского, и переводчиков при них, как правило, не было. Так что была полная иллюзия всенародной любви, к которой они привыкли у себя дома.

В этой актерской группе приехал все еще популярный (хотя уже редко снимавшийся в кино) актер Н. Р. Он был заядлый шахматист и приехал поддержать своего друга гроссмейстера Михаила Таля. Поскольку времени свободного у него было много, он, видно по московской привычке, любил погулять по улицам города и пообщаться с «публикой», насладиться своей «известностью». По своему киношному амплуа он был дамский ловелас, поэтому, несмотря на свой уже «почтенный» возраст, пытался и здесь поддерживать этот имидж. Кубинки его очаровали не только тропической красотой, но и их, как ему казалось, общительностью и «доступностью». Но никто ему не объяснил, что за очарованием кубинок скрываются весьма строгие моральные традиции. Но, однажды, он, все-таки, получил возможность об этом узнать.

Как-то вечером он с приятелем зашли в один из ночных клубов на знаменитой столичной набережной «Малекон». Обычно советские моряки или туристы, которые могли себе позволить зайти в ночной клуб, присаживались к стойке бара, не обращая внимания на происходящее за их спиной веселье местной, преимущественно, молодой публики. Публика отвечала им тем же. Хотя они были легко узнаваемы, на них никто, кроме бармена, не обращал внимания. Они пили свое «двойное» и уходили «по-английски», то есть тихо.

Широкая душа актера, уже «подогретая», вероятно, в гостинице (было довольно поздно) жаждала общения с молодежью. Приняв за стойкой несколько порций неразбавленного «бакарди», он направился в зал, где в затемненных кабинках сидели, занимаясь своими интимными делами, молодые парочки. Переходя от одного столика к другому, он всем рассказывал о себе, разумеется, на русском, которого никто не понимал, но его это не смущало. Ребята ему вежливо улыбались, хлопали по плечу, предлагали выпить «хайбол» и выпроваживали к сле-

дующему столу. Воодушевленный таким «теплым» приемом, Рыбкин решил доставить присутствующим удовольствие. Он забрался на невысокую площадку, где находился играющий оркестр, бесцеремонно взял у музыканта гитару и попытался спеть: «Не кочегары мы, не плотники...» Но ни на музыкантов, ни на публику это не произвело ожидаемого им впечатления и его, уже невежливо, вывели с площадки. Но он не обиделся, потому что был счастлив и готов поделиться своим счастьем со всеми.

Он вновь вернулся к столикам с намерением пригласить кого-нибудь из «дам» на танец. Ему попытались объяснить, что это «невозможно». Здесь так не принято: девушка танцует только с тем парнем, с которым она пришла, (мужчины, пришедшие без девушек, остаются за стойкой бара), – таковы традиции. Тем более что некоторые кубинские танцы достаточно эротичны. Но актер уже ничего не хотел понимать. В конце концов, ему удалось «зацепить» какую-то девушку и вывести ее на танец. Он оказался опытным танцором, точно уловил ритм кубинского танца и провел свой номер блестяще, даже вызвал аплодисменты у танцующих рядом. Очень довольный собой, он галантно подвел свою партнершу к столику и поклонился благодарственно ее «жениху»...

Свою голову он уже поднять не успел, получив удар по ней бутылкой. Удар, вероятно, был несильный, полупустая бутылка не разбилась и не нанесла большого вреда незадачливому «Ромео». Но этого было достаточно, чтобы его «успокоить». Приятелю не оставалось ничего другого, как вытащить его в полной «отключке» на свежий воздух. Назад они уже не вернулись. А вечер в клубе продолжался, как ни в чем, ни бывало.

По слухам, актер больше в ночные клубы не ходил и до отъезда предпочитал пить в своем номере гостиницы.

«Светит незнакомая звезда...»

– Как ты думаешь, эта «антилопа-гну» довезет нас до места или развалится по дороге? Это меня спрашивает мой приятель Николай, с которым мы едем в «такси», потрепанном «фордике», который по возрасту наверняка был нашим ровесником.

На Кубе был разгар лета, стояла обычная 40-градусная жара («в тени»). Мы, – ленинградские студенты, стажеры университета в Сантьяго-де-Куба, живущие уже второй год в этом городе, едем встречать Новый 1968 год, который по местному времени наступает в четыре дня пополудни.

– Я думаю, что на этом музейном экспонате мы вряд ли успеем вовремя, – пессимистично изрек я.

И тут же машина заглохла. Наш «росинат» не смог подняться на небольшой холм, на склоне которого располагался поселок с веселым названием «Эль Алегре» («Веселый») на берегу Атлантического океана, точнее – Карибского моря. Пришлось дальше следовать пешком. Поселок состоял из дюжины деревянных одноэтажных домиков, окна которых, по случаю жары, были открыты настежь. Здесь жили наши московские девчонки-переводчицы.

Подходя к нужному дому, мы услышали... взрыв? Вообще-то на Кубе, где в то время оружия не было, пожалуй, только у грудных детей, стреляли крайне редко, только по большим религиозным и революционным праздникам, да и то по ночам. А тут взрыв, да еще среди белого дня! Но взрыв был какой-то странный...

– Граната, – безапелляционно заявил Колька.

– Откуда у девчонок гранаты? – саркастически выразил свое мнение я.

Но все-таки мы побежали и ворвались в дом под... девичий смех. Посреди кухни стояла Рита с растерянным лицом, а на белых стенах и потолке видны были какие-то бурые пятна.

– Что случилось? – уже догадываясь, спросил я.

– Да, наша Рита решила сделать вам сюрприз, приготовить «наполеон», – ответила Ольга.

– Как это? – удивился Колька.

– Из советского печенья и сгущенки, которые вы натаскали нам с наших кораблей, – ответила Рита.

– Сразу видно домашнюю девочку, – констатировал я. – Кто же ставит закрытую банку сгущенки прямо на огонь, ее естественно разорвет.

– Хорошо, что никого на кухне не было, – резюмировала Ольга. – Ладно, пошли к столу, уже подходит время.

Новый год «по-московски» отметили, как «положено». Потом подъехали наши преподаватели и другие переводчики, которые жили рядом. Так что собралась почти вся советская «колония». Пели песни под гитару, танцевали. Ждали консула, который должен был подъехать к 12-ти.

Мы с Николаем решили «проветриться». Вышли на улицу поселка и, перевалив холм, спустились к пляжу залива, неглубоко, на несколько сот метров, врезающегося в песчаный берег. Был прекрасный вечер. В тропиках нет сумерек, переход от дня к ночи, когда солнце погружается в океан, длится всего несколько минут. В это время все небо озаряется невероятным светом, который фантастическими красками освещает прибрежный пейзаж. Берег в этот час был безлюден.

– Давай искупаемся, – предложил Колька. – Видишь на том берегу залива какой-то причал, до него метров триста. Давай махнем туда.

– Отличная идея, – согласился я. – Только мы же не взяли плавок.

– А ерунда, все равно здесь никого нет, и не будет.

Мы быстро сбросили одежду и нырнули в воду. До противоположного берега добрались быстро, но выбраться на берег нам не удалось, потому что мешал настил пристани. Подержавшись несколько минут за скользкие опорные столбы, мы вознамерились вернуться обратно. И, как говорится, – «вмиг протрезвели».

– А где берег? – — тихо спросил Колька.

Действительно, вокруг была кромешная тьма. На Кубе ночи – это мрак, собственной руки не увидишь! Холм закрывал от нас поселок, поэтому не видно было ни огонька. Справа от нас в нескольких десятках метрах находился выход в океан, погода была штилевая. Сориентироваться было невозможно. Мы даже не видели друг друга.

– Оставаться здесь нельзя, мы до утра пойдем ко дну? – резонно прокомментировал ситуацию Колька.

– Значит, поплыли, другого выхода нет, – мне нечего было добавить.

– Куда? – раздался саркастический вопрос из темноты.

– Вперед, по звездам, – последовала моя бодрая команда.

– А ты их знаешь? – вопрос был неслучайный. Дело в том, что в этом полушарии карта звездного неба совсем иная и для нашей ориентации совершенно бесполезная.

– Ладно, возьми две рядом расположенные звезды и старайся держаться между ними, – без энтузиазма посоветовал я.

– Ты что, спятил, как можно на воде выдержать прямое направление? – опять резонно вопрошал голос из темноты.

– У тебя есть другие предложения, давай! – уже начинал злиться я.

– Нет, – согласился мой приятель и добавил, – давай все время разговаривать, что бы по голосам определять, не удалились ли мы в сторону.

Так мы и плыли, разговаривая.

– Как ты думаешь, где мы находимся сейчас? – с претензией на иронию спросил я.

– Ну, до Мексики еще далеко, – успокоил меня приятель, – к встрече Нового года мы вряд ли туда успеем, так что можно не торопиться.

Вдруг он спросил:

– Ты заметил, что вода справа стала холоднее, чем слева?

После его вопроса это почувствовал и я.

– Это значит, что мы находимся недалеко от выхода в океан. Забирай влево! – скомандовал я.

Вскоре раздался крик.

– Берег! Я на берегу!

Почти тут же я коснулся руками песка.

Отдохнув немного не столько от усталости, сколько от нервного напряжения, мы поняли, что радоваться пока еще рано. Мы лежали нагишом на песке и совершенно не представляли, где искать нашу одежду.

– Делать нечего, встали на четвереньки и поползли! – скомандовал приободрившийся Колька.

– Ты что, – скептически промямлил я, – как мы в такой темноте найдем нашу разбросанную по пляжу одежду?

– Есть другое предложение, вернуться в таком виде за праздничный стол. Наши маскарадные костюмы, наверняка, будут одобрены публикой, – последовала идиотская реплика.

После долгого ползания по песку, мы, наконец, наткнулись на свою одежду и, уже не разбирая, чья майка или рубашка, быстро оделись и отправились к ждущей нас компании. Наше появление было встречено без энтузиазма.

– Где вы болтаетесь? Уже пора встречать Новый год, – строго обратился к нам сидящий за столом консул.

– Да, мы так, прогуляться вышли, – ответил кто-то из нас.

«Путь к причалу...» *(популярная советская песня из одноименного фильма)*

– Ты смотри, твой «Брянсклес» на рейде, – услышал я утром голос Николая, вышедшего на балкон нашей комнаты в общежитии.

Шел второй (1968) год нашего пребывания в Сантьяго де Куба в качестве «стажеров» университета. Мы жили в студенческом городке, расположенном на окраине города на высоком холме. Город лежал перед нами как на «сковородке», в центре которой находилась бухта, которую город охватывал «подковой». Это впечатление создавалось в особенно жаркие дни, когда город накрывала дымка тумана, подобно парной в бане. С балкона своей комнаты мы наблюдали, какие суда входили в порт. Это имело к нам самое прямое отношение. Дело в том, что в наши «комсомольские» обязанности входило обеспечение «культурной программы» для экипажей этих судов во время их стоянки. По должности «помощника» в моем распоряжении находился катер нашего «моравента», которым мы пользовались, когда судно находилось на рейде.

После того, как судно покидали пограничники и таможенники, мы поднимались на судно и представлялись первому помощнику капитана, в чье распоряжение поступали на время стоянки. Первые помощники в то время были, в основном, бывшие партийные или комсомольские работники. Поэтому, когда мы попадали на ленинградское судно, то, бывало, встречали знакомых. Но ближе всех, обычно, у нас складывались отношения либо с «начальником радиостанции», либо с «дедом», то есть. «стармехом».

В течение года некоторые суда заходили в порт по два-три раза. Естественно, экипажи менялись, но командный состав, как правило, оставался тем же. Здесь нас уже встречали, как родных.

Так, особые отношения у меня сложились с экипажем ленинградского сухогруза «Брянсклес», которое зашло в порт уже второй раз. В течение нескольких дней стоянки я провел «культурную» программу для экипажа, как обычно. После прощального ужина с музыкой, песнями и танцами (в экипаже были две молодые женщины), который затянулся надолго, мы с моим приятелем Николаем к полуночи были в общежитии. Судно должно было выйти на рассвете.

Каково было мое удивление утром, когда я, выскочив на балкон, увидел свой «Брянсклес», стоявшим посреди бухты?

В порту я, вместе с нашим «моравентом», на катере отправились на судно. Здесь мы узнали от «стармеха», что неожиданно при отходе произошла поломка в рулевом отделении.

– Ремонтиться, придется на рейде, – без энтузиазма сказал он.

На мой вопрос, сколько ремонт может продолжиться, он ответил:

– Думаю, несколько дней.

Я хорошо понимал, что это значит – ремонт судна на рейде. Это несколько дней на воде под палящим солнцем. Экипажу на берег выходить было нельзя. Люди уже настроены на обратную дорогу – домой. Настроение у всех – хуже не бывает.

Конечно, я бывал на борту каждый день. Привозил ром «бакарди», пиво, «кока-колу», фрукты, что единственно в городе можно было купить свободно и сравнительно недорого. Но мои скромные возможности были не безграничны.

Но, наконец, «старпом» объявил:

– Ремонт закончен, и судно завтра ночью уходит.

Вечером состоялись короткие «проводы» в кают-компании и перед тем, как мне покинуть судно, «дед» пригласил меня заглянуть к нему «на минутку». Я принял его приглашение потому, что у нас с ним сложились какие-то даже не то что «дружеские», а скорее «семейные»

отношения. По возрасту, он мне годился в отцы и поэтому, по его выражению, «прикипел» ко мне как сыну. Я к нему тоже очень «привязался». Расставаться было тяжело, так как мы оба понимали, что, вряд ли, когда-нибудь увидимся.

Мы спустились в его рабочую «каморку». Он закрыл дверь и отключил телефон.

– Чтобы никто нам не мешал.

Затем он достал из «технического» шкафчика, где стояли банки каких-то масел и бутылки каких-то растворов, чистую пол-литровую бутылку с этикеткой, на которой было написано явно его рукой большими красными буквами: «Осторожно, яд!»

– Что это такое? – спросил я с подозрением, зная, что на судне не осталось ни капли спиртного.

– Не бойся, – было сказано, – это – мой «энзим» на обратную дорогу.

– А как же Вы?

– Ничего, мы с тобой понемножку и мне еще останется.

– Но я никогда не пил чистый спирт, не разбавляя, – признался я.

– Это я предусмотрел, – гордо произнес «дед» и вытащил из-под своего «рабочего» стола ящик сухого вина «Ркацетели».

– Вот, выменял у «старпома». Я сам его терпеть не могу, но тебе, я думаю, подойдет.

На что такое мог выменять «дед» столь дефицитное вино, я спрашивать не стал.

– А чем будете запивать Вы? – поинтересовался я.

– Ничем, я буду пить так, не первый раз, – заявил «дед».

– Давай, за тебя, что бы ты и твои ребята благополучно вернулись домой! Как вы можете в этом пекле жить и до сих не спились, мне это не понятно? Ну, будь здоров!

И мы выпили по-первой. С сухим теплым вином спирт прошел как шампанское.

Естественно, потом пошла вторая, третья... За душевным разговором время летело незаметно. Мы забыли о том, по какому поводу здесь сидим. Но вдруг «дед» сказал:

– Странно, почему изменился шум машин? – и включил телефон на стене, который взорвался пронзительным звонком.

«Дед» спокойно взял трубку и с достоинством произнес:

– У аппарата.

В трубке я услышал истеричный голос «старпома»:

– Парень у тебя?!

– Да, – после долгой паузы неохотно ответил «дед».

В трубке раздался красноречивый мат, в короткие промежутки которого можно было понять:

– Ты, ..., соображаешь, судно выходит в море! Мы что, его с собой до Ленинграда повезем?

– Где капитан? – спросил невозмутимо «дед».

– Он давно ушел спать в свою каюту, – раздался ответ.

– Быстро наверх, – скомандовал мне «дед».

Мы пулей вылетели на палубу и подскочили к стоящему у борта вахтенному матросу.

– Где катер? – закричал «дед».

– Какой катер? – удивился вахтенный, я только что заступил на вахту. – Он, наверное, давно уже ушел.

– Который час, – спросил «дед» у вахтенного?

– Три пятьдесят, – ответил тот, – якоря уже выбраны.

К этому времени подошел «старпом», который взглянул на меня так, что я понял, с каким удовольствием он выкинул бы меня за борт.

– Так, отход назначен на четыре ноль ноль. У нас есть десять минут. Иди на мостик и объясни ситуацию штурману, – сказал «дед» старпому.

– Дай мне трубку, – потребовал он у вахтенного.

– Петя, Петенька, – обратился он, перейдя почти на шепот, в трубку телефона, – ты сейчас, мой дорогой, аккуратненько сделаешь то, что я тебе скажу.

– Тихонечко, на очень малых, дашь задний ход до тех пор, пока я тебе не скажу, хватит.

Понял?

– Ну что? – это был вопрос к вернувшемуся из рулевой рубки «старпому».

– Штурман сделает все, как надо, – был ответ.

– А ты приготовься, будешь десантироваться, – это уже было обращение ко мне.

– Как это? – удивился я.

– А ты что думал? Мы уже не можем высадить тебя на берег, не имеем права. Судно аккуратно задним ходом подойдет к причалу, будем надеяться, что в этой кромешной тьме кубинцы не успеют ничего сообразить. Трап по борту будет приспущен настолько, чтобы ты смог спрыгнуть. Это все, что мы можем для тебя сделать.

– А если я промахнусь? – задал я идиотский вопрос, на который никто не ответил. Я сам прекрасно понимал, что произойдет, если я промахнусь и попаду между причалом и судном. Но даже, если я попаду на причал, с такой высоты в темноте было мало шансов упасть удачно.

Но судно, следуя командам «деда», который стоял у борта, напряженно вглядываясь вниз в темноту, ювелирно точно подошло к причалу. Я уже был на трапе и почувствовал толчок. Последовала команда:

– Пошел!

Я побежал к концу трапа, который уже начал быстро опускаться вниз. Я чувствовал, что судно стало отходить от причала.

– Прыгай! – услышал я приглушенный голос сверху.

И я прыгнул, не видя куда. В ночь!

Неожиданно доски причала оказались совсем недалеко, и я легко упал на согнутые ноги. Быстро вскочив, я прокричал вверх в темноту:

– Все в порядке! Спасибо!

– Будь здоров! – прозвучал в темноте голос «деда». Я увидел, как удаляется от меня темная махина корабля.

Прощай, «Брянсклес»!

«Литературный Севастополь» Выпуск №8, Севастополь 2013 г.

Карельские рассказы

Ночной звонок

– Алло...

Телефонная трубка молчала.

– Говорите, я Вас слушаю.

Тишина...

Сергей с раздражением бросил трубку на аппарат. Было около двенадцати часов ночи.

...Сергей Кольцов жил в этом городе уже несколько месяцев.

Петрозаводск в начале 70-х годов с его почерневшими деревянными двухэтажными бараками и деревянными же тротуарами воспринимался, после Ленинграда, глухим провинциальным захолустьем. Его можно было пройти вдоль и поперёк по двум главным улицам за два-три часа. Но в нём находились университет с медицинским факультетом, пединститут и консерватория, где работал Кольцов. Было два театра: один «финский», а другой русский «музыкально-драматический», оба располагались на площади имени С. М. Кирова, на которой возвышался его памятник, сменивший старый памятник Петру Первому (Растрелли-отца), передвинутый к пристани. Это был формальный центр города. На праздники здесь проходили демонстрации, а под Новый год поставили большую украшенную елку. Вообще же здесь было все, что нужно для жизни обывателя-интеллигента: рынок, библиотека, ресторан, гостиница и даже тюрьма, расположенная прямо напротив университета на проспекте Ленина. Сейчас она была скрыта за новым пятиэтажным жилым домом, но, в старые времена, вероятно, неслучайно эти два старейшие просветительные учреждения города были поставлены рядом: «учись, но помни...»

Летом городок, утопавший в зелени на берегу большого Онежского озера, был уютен и симпатичен. Его окружали девственные леса, богатые ягодой и грибами, а также озёрами с неисчерпаемыми запасами рыбы. Это вносило приятное разнообразие в сонную жизнь горожан.

Осень наступила внезапно, и город погрузился в грязь. Дожди шли почти непрерывно, земля не успевала высыхать. Город был построен на болотах (что за Петровская страсть строить города на болотах?!). По нецентральным улицам можно было продвигаться только в резиновых сапогах, да и не всегда безопасно. Консерватория находилась недалеко от дома Кольцова, но добирался он до нее с большим трудом. Но ещё более опасными были первые легкие морозы и первый снег. Утренний гололёд днем сменялся непроходимой «кашей» грязи и снега. К счастью, такая «золотая осень» длилась недолго, около месяца.

С наступлением зимы, а снег выпадал уже в октябре, жизнь в городе замирала. Световой день убывал катастрофически быстро, к Новому году он сократился до пяти-шести часов. И жизнь фактически проходила под электрической лампочкой. Сейчас, в конце января, город лежал, засыпанный снегом, который убирали только по проезжим улицам. Горожане ходили по тропинкам, протоптанным в глубоких сугробах. Морозы в этой предполярной полосе были несильными, где-то до двадцати градусов. Поэтому снежная зима переносилась сравнительно легко. В яркие солнечные дни, даже приятно было пробежать на лыжах по лесу, который начинался сразу за последними домами. Массовой эпидемией всего мужского населения города была подледная рыбалка. Все замерзшее Онежское озеро до горизонта была круглосуточно усижено черными неподвижными фигурками. Те, у кого были машины, выезжали на отдаленные озера. Это был особый ритуал, можно сказать, смысл жизни. Тот не мужчина, кто не имеет свой «коловорот»...

Кольцов не увлекался рыбалкой, как впрочем, и охотой тоже.

Так что в свободное время ему заняться было собственно нечем. Конечно, он, иногда, ходил в кино, в театр, на концерты. Несколько раз был приглашен «в гости». Но это происходило нечасто, так как большинство его сослуживцев жило в общежитии. Поэтому они изредка заходили к нему «на огонек», но надолго не задерживались, так как дом его, «полупансионная хрущевка», был пуст как тюремная камера. В первой «проходной» комнате одинокая раскладушка изображала «диван» для гостей», на котором кто-нибудь иногда оставался ночевать. Во второй комнате, «спальне», стояла «полупансионная» железная кровать с «панцирной» сеткой, рядом с которой размещалась немногочисленная «мебель» из картонных коробок. На подоконнике гордо расположился телефонный аппарат. В строенном стенном шкафу рядом с небольшим количеством одежды находились сделанные самим Кольцовым полки с книгами. В крохотной кухне стояли деревянный стол «козёл» и табуретка, сколоченные жэковским плотником, делавшим ремонт в квартире. За неимением холодильника, все продукты хранились за окном в «авоське».

На приобретение какой-либо мебели ассистентской зарплаты Кольцова пока не хватало.

Жена Кольцова продолжала учёбу в Ленинградской консерватории и изредка навещала мужа, главным образом, в целях «проверки». У нее там была своя жизнь. В этом Сергей убедился, когда решил встретить Новый год в Ленинграде, и неожиданно нагрязнул в общежитие, где она жила. Его визит ее явно не обрадовал. К тому же Сергей приехал сильно простывшим, у него поднялась высокая температура, и пришлось новогоднюю ночь провести в постели к комнате приятеля. Это не помешало его жене встретить Новый год в компании друзей в городе. В общежитие она вернулась утром. Тогда Сергей понял, что ей хорошо и без него.

В Киев с ее родителями жил их двухлетний сын, которого забирать жена не хотела.

В Петрозаводске жизнь Кольцова постепенно входила в монотонную колею: работа – дом – работа. Дома единственное «развлечение» – проводное радио как источник информации и книги, которые стали его единственными «сожителями». Столько свободного времени у него никогда в жизни не было. Работа над диссертацией фактически была закончена ещё в Ленинграде, где диссертация и находилась на последнем редактировании у «шефа». Они ждали появления в печати необходимых публикаций и своей очереди для представления к «защите» в Ленинградском университете. А пока он составил программу по мировой литературе и решил восполнить недостаток своего гуманитарного образования, удивляя городских библиотекарей своими заказами.

Но всё это происходило днем, а рано или поздно наступала ночь. Время сна Кольцов оттягивал как можно дольше. Особенно тяжело было первые месяцы. Всю свою уже не короткую жизнь он провел «в людях». Сначала это был, естественно, семейный дом, потом – «съёмные» квартиры, затем – общежития, в которых прошли его последние десять лет. Это – специфический образ жизни, ее особый распорядок, ритм, система ценностей и прочее. Особый мир, к которому привыкаешь как естественной среде обитания.

Так, например, люди жили годами в «коммуналках», собираясь в свободное время во дворах. С исчезновением коммуналок исчезли и «дворы». Изменился алгоритм жизни. Это – привычка «коллективизма» – быть всегда в окружении других, от которых, так или иначе, зависит твоя жизнь, и их тоже. В то же время это – жизнь в аквариуме, всегда на виду. Она может нравиться или не нравиться, раздражать, создавать неразрешимые проблемы. Ее можно даже ненавидеть, но нельзя изменить, потому что к этой жизни человек привыкает, сам того не замечая. Без этого он уже жить не может...

Ночь – ад одиночества. Сейчас Кольцов представлял, как в «одиночке» люди сходили с ума от... тишины. Его дом находился, хотя и в центре города, но на тихой улице. По ночам лишь изредка были слышны отдалённые гудки паровозов. Тишина была крошечная. Засыпая от усталости, Сергей вскоре просыпался от удушья. Тишина давила на грудь, на голову...

Он вскакивал, потому что был убеждён, что кто-то позвонил в дверь, кто-то ходит в соседней комнате, кто-то разговаривает на кухне. Он знал, что там никого быть не может, но он ведь явственно слышал! Бессмысленное хождение по пустой квартире успокаивало ненадолго. До утра (до появления первых звуков за окном) он впадал в прерывистое забытьё. Он понимал, что сходит с ума...

Но утром надо было идти на работу, а вечером возвращаться опять в пустую квартиру.

...И вот однажды поздним зимним вечером, фактически почти в полночь, раздался телефонный звонок. Звонки повторялись почти каждую ночь, но в трубке молчали. Кольцов догадывался, что это розыгрыш, но его это не раздражало. Была хоть какая-то иллюзия присутствия...

На этот раз в телефонной трубке он услышал дыхание и прозвучал тихий женский голос:

– Добрый вечер... – опять молчание.

– Доброй ночи, скорее, – ответил Сергей.

– Вы, наверное, на меня сердитесь... За то, что я не даю Вам спать.

– Нет, отчего же? Мне приятно Ваше внимание.

В трубке был слышен приглушённый смешок.

– А Вы кто? – быстро спросил Сергей, боясь, что девушка бросит трубку.

Голос в трубке ему был незнаком и он уже знал, что это не может быть кто-то из его студенток. Они были явно моложе его собеседницы.

Ответа на вопрос не последовало. Вместо этого он услышал:

– Можно я буду Вам иногда звонить? Только извините, что поздно, раньше не могу.

– Хорошо, звоните. А то, что поздно, неважно.

– Спокойной ночи.

И Незнакомка положила трубку.

Звонки продолжались, хотя с меньшей регулярностью.

Сергей с Незнакомкой болтали на разные темы, в общем – о пустяках. Его эти ночные разговоры несколько развлекали, и после них он все чаще стал спать по ночам спокойнее. Он ждал этих звонков, и ему даже нравилось, что они раздавались в ночи непредвиденно. Девушка, по-прежнему, уклонялась от вопросов о себе, но ничего не расспрашивала и о нем. Из этого нетрудно было сделать вывод, что она его знает, а он ее нет. Естественно, что это могло быть только в консерватории. Здесь же выбор был невелик. Ни одна из его студенток, Сергей преподавал на первом курсе, не осмелилась бы ему позвонить и столь легко с ним разговаривать. Оставались только молодые преподавательницы, среди которых многие были не замужем, либо старшекурсницы других факультетов, на которых Сергей не работал. В последнем случае «вычислить» Незнакомку было невозможно. Звонила она явно с вахтенного телефона общежития. Но это ничего не меняло, так как в общежитии жили и молодые преподаватели.

Однако Сергей и не пытался выяснить, кто именно является его ночной собеседницей. Его вполне устраивал «телефонный флирт», который вносил некоторое разнообразие в его ночное одиночество.

Но со временем он почувствовал, что тональность и настроение телефонного голоса изменились. Звонки стали заметно реже. Разговоры – короче, и иногда резко обрывались. Это создавало впечатление, что их телефонное «сближение» стало входить в диссонанс с личными «анонимными» встречами. А то, что они часто встречались в консерватории и на концертах, было ясно по темам разговоров. Дело явно шло к кульминации, которую Сергей очень хотел оттянуть.

И вот, наконец, прозвучало предложение:

– Через два дня я отмечаю свой день рождения. В общежитии. Будут только знакомые Вам лица. Я приглашаю Вас... Если Вы сочтете для себя это возможным... – сказано это было напряжённо, почти официальным тоном.

Сергей понял, что пришло время познакомиться. Отказаться было неприличным.

– Да, конечно, спасибо за приглашение, – бодро ответил он. – А Вы не боитесь нашей встречи?

– Боюсь, – ответ был резким. – Но наш телефонный «роман», похоже, себя исчерпал. Пора поставить точку. Во всяком случае, я Вам обещаю, что на этом мои звонки прекратятся.

Узнав, где и когда будет проходить мероприятие, Сергей положил трубку.

И задумался. Было уже за полночь, но сон слетел.

Это приглашение ничего предварительно не проясняло. Оно могло исходить, как от студентки, так и от преподавательницы. Конечно, относительно последней, он мог бы выяснить, у кого скоро день рождения. Но Она сразу же об этом узнала, и это поставило бы его в неловкое положение. Оставалось ждать назначенного дня.

Вместе с тем Сергей понимал, что приглашение – это уже не каприз. В этот день должны определиться их «отношения», (хотя, какие «отношения»?), будут ли они прерваны или получат другое продолжение. Откровенно, ему было жалко расставаться с «ночными звонками», к которым он уже привык. В то же время ему не хотелось вторжения в его личную жизнь постороннего человека. При всех издержках его «холостяцкого» быта, он дорожил неожиданно обретенной свободой и «отходил душой» от недавних тяжёлых перипетий свой «семейной» судьбы.

Конечно, можно было проигнорировать приглашение и на этом, он знал, все закончится. Но ему не хотелось подавлять в себе искушение, наконец-то, познакомиться с Незнакомкой.

Прибыв в назначенный час в новое, только что недавно сданное общежитие, с тремя розами и бутылкой шампанского (большой зимний дефицит!), Кольцов, действительно, оказался в «своей» кампании. Его встретили его студенты и знакомые преподаватели. Но, когда к нему подошла виновница торжества, то он сразу понял, что это – не Она. Это была его студентка, которая очень обрадовалась его приходу, но приглашение явно исходило не от нее. В молодёжном общежитии такие вечеринки устраивались часто и он, как и другие преподаватели, на них иногда бывал. Разница в возрасте между студентами и их преподавателями была не столь велика, да и общие интересы и образ жизни сближали.

В комнате присутствовало и несколько незнакомых Сергею ребят. Но Незнакомку он выделил почти сразу: она явно избегала встречаться с ним глазами, ведя какую-то бесконечную беседу со своим соседом-студентом. Это была симпатичная девушка, небольшого роста, с тонкой фигуркой и длинными русыми волосами, спадавшими ей на спину. Она ничем не выделялась среди других, и в другое время он вряд ли обратил на нее внимание.

Вечер проходил непринуждённо и весело, как умеют отдыхать музыканты. Было много музыки (инструмент стоял тут же в комнате), песен, танцев. Кто-то тихо беседовал, уединившись в углах комнаты. Наконец, Сергей подошёл к девушке.

– Здравствуйте, ночная Незнакомка.

Девушка хорошо улыбнулась, и Сергей понял, что угадал.

– Здравствуйте.

Помолчали. Кругом были люди и шум, сквозь который разговаривать было трудно.

– Ну, как? Разочарованы? – иронично спросила она.

– Пожалуй, да, – ответил, улыбаясь, Сергей. – Я ожидал увидеть этакую «старую деву», разочаровавшуюся во всем.

– Почему «старую деву»? – успела обидеться она.

– Какая же молодая симпатичная девушка будет звонить по ночам такому старику, как я?

– Не кокетничайте, Сергей. Вы совсем не старый.

– Ну, хорошо. Так, как Вас звать? Я могут, наконец, это сегодня узнать?

– Тая. Таисия. Я учусь на хоровом отделении. Вернее, уже заканчиваю в этом году.

Поэтому Вы меня не знаете.

– Прекрасно, Тая. А теперь давайте оставим на некоторое время этот вертеп и подышим свежим воздухом.

Никто не обращал на них внимания, и они покинули комнату. Пройдя большой холл, они вышли на балкон-лоджию, который находилась на седьмом этаже. Над ними, очень близко, нависал купол сине-черного неба с яркими, как елочная иллюминация, звездами, накрывавший белый город внизу. Их обволакивало безмолвие северной ночи.

Сергей закурил. Тая в наброшенном на плечи тоненьком пальто смотрела на звезды. Они долго молчали.

Наконец, Сергей спросил то, что не хотел знать.

– Так, что все это значит?

– Вы имеете в виду мои звонки? – Тая продолжала стоять к нему спиной.

– Да, звонки. И, конечно, сегодняшнюю встречу.

Тая повернулась и посмотрела на него пристально.

– Ничего. Сначала это был розыгрыш. Я поспорила с девчонками. Вы, конечно, знаете, что Ваши студентки влюблены в Вас по уши. Но еще больше, – они бояться Вас. Мне это было смешно. Видя Вас в консерватории и на концертах, я не понимала, что они нашли такого, что сводило их с ума. Подумаешь, Вячеслав Штирлиц! И я решила... – девушка запнулась. – Ну, ... над Вами подшутить. Я ничем не рисковала. Вы меня узнать по телефону не могли. Я думала, что это будет недолго...

Она замолчала. Вновь отвернулась, но смотрела уже вниз на спящий город. Пауза затягивалась.

– В общем, пари я выиграла. Девчонки были в шоке оттого, что Вы не бросили трубку сразу и заговорили со мной. Хотя разговор был пустой. Правда? Но отношение девчонок к Вам не изменилось, как я надеялась. Даже наоборот. Теперь Вы вроде как из «полубога» превратились в нормального человека, с которым можно разговаривать о чём-то, не имеющим отношение к философии.

– Ну, и что? – Сергей спросил спокойно. – А дальше что?

– Дальше? – девушка повернулась вновь к нему. – ...Дальше я сама влюбилась! Как эти дуры!

Она говорила это уже с явной злостью на себя.

– Видя Вас почти ежедневно в консерватории, я не могла себе представить, что Вы – самоуверенный, невозмутимый и жесткий, – и тот умный, ироничный и добрый... Да, добрый, – почти прокричала Тая, увидев усмешку на лице Сергея. – ...Человек, который терпеливо и с юмором выслушивает по телефону ахинею совершенно ему незнакомой девушки... Я не могла поверить, что это – один и тот же человек! Это превращалось уже в какой-то кошмар. Днем – один человек, ночью – совершенно другой! Я уже настолько привыкла к Вашему голосу, что уже не могла уснуть, если не услышу его. Вы знаете, почему я звонила Вам только ночью? Потому что подменяла на ночь вахтершу. А потом до утра не могла заснуть, думая о Вас. Мне теперь стоило большого труда удержаться от того, чтобы не подойти к Вам днем и не сказать: «здравствуйте, это – я». И я решила, что это должны сделать Вы... Если бы Вы сегодня ко мне не подошли, я уже больше Вам не позвонила.

Слушая девушку, Сергей понимал, что, похоже, он оказался в затруднительном положении. Это было явное объяснение в любви. Но, во-первых, он даже незнаком со стоящей сейчас перед ним девушкой, которая была младше его, на взгляд, лет на шесть-семь. Она, вероятно, как и многие, приехала в консерваторию из какого-нибудь глухого карельского городка или поселка. Еще ничего собственно в этой жизни не видела. Влюбилась, может быть, в первый раз... В молодого, популярного преподавателя... Вопреки своей воли, так как видно, что девушка строптивая, с характером и знает, что она – не красавица. Но, возможно, для нее это –

самые счастливые дни в ее маленькой и не очень-то интересной жизни. А скоро и эта жизнь закончится, и она вернется в свою родную глушь, из которой она так стремилась вырваться...

– Так, и что мы теперь будем делать? – излишне жестко спросил он, после затянувшегося молчания.

Таисия не ответила. Они стояли на балконе уже долго и мороз начал давать о себе знать.

– Ладно, пошли в комнату. Наше отсутствие затянулось.

– Подождите, – остановила его девушка. – Я хочу... Провести эту ночь с Вами. Эту ночь... И больше ничего. Я хочу избавиться от этого кошмара.

Сергей не понял, но решил, что разговор надо прервать.

Они вернулись в комнату, где продолжалось веселье.

Когда, уже достаточно поздно, приглашенные стали расходиться, Тая в своем пальто с небольшим воротником из искусственного «меха» и заячьей шапке вышла вместе со всеми на улицу и решительно взяла Сергея под руку. Вскоре они остались вдвоем и молча направились к его дому...

То, что произошло потом, Сергея ошеломило.

Придя в себя, и, глядя на лежавшую рядом с закрытыми глазами улыбающуюся Таю, он с гневом воскликнул:

– Как ты могла? Почему ты меня не предупредила?

Она спокойно и тихо произнесла:

– Не кричи! Если бы я тебе сказала, Сережа, ты бы никогда на это не решился. Я этого хотела. Когда-то это должно было произойти, и хорошо, что это произошло с тобой.

Тая закрыла глаза, и Сергею показалось, что она уснула.

Но она, не открывая глаз, тихо заговорила вновь.

– Серёжа, ты не волнуйся. Ничего не будет. Я знаю, что ты женат. Я видела твою жену пару раз, когда она приходила в консерваторию. Наши девчонки бегали на нее смотреть. Она, действительно, очень красивая. Как Софи Лорен! Но я чувствую, что ты ее уже не любишь. Иначе, ты сейчас бы не был со мной. Но я знаю, что у вас есть сын, которого ты никогда не бросишь. Поэтому я не на что не рассчитываю. Я люблю тебя, и сейчас я счастлива.

Сергей молчал. Ему нечего было сказать. Все слова были неуместны.

– Утром я уйду и никогда больше не появлюсь в твоём доме. Постараюсь не попадаться тебе слишком часто на глаза. Я не буду тебе мешать. Я же знаю, что ты меня никогда не полюбишь. Ведь я – обыкновенная, таких много...

После этого она энергично встала и приказала:

– А теперь давай менять постель. У тебя есть чистое бельё?

Запас чистого белья был, но когда она сдернула простыню, стало понятно, что эта предосторожность излишняя...

Вернувшись из ванны, Тая спросила:

– Когда твоя жена приезжает?

– Не знаю. Она всегда появляется без предупреждения.

...Но звонок раздался уже вечером. Жена сообщила, что приезжает утром. По ее тону, Сергей понял, что ей уже «доложили».

От вокзала до дома Сергея было несколько сот метров.

Рано утром, войдя в квартиру, Лариса ничего не спросила, и лишь сказала:

– Если ты думаешь получить развод, то я тебе его не дам. Он мне сейчас не нужен. А если ты попытаешься со мной развестись, то сына ты никогда не увидишь.

Сергей не стал оправдываться.

– И вообще... Я перевожусь на заочное отделение и переезжаю в Петрозаводск. Надеюсь, что ты позаботишься о том, чтобы для меня нашлась здесь достойная работа.

– Что это так? – спросил ошарашенный Сергей. – Ты же заявляла, что ноги твоей не будет в этом «паршивом» городишке!

– Ну, и что? Я и сейчас могу это повторить. Но так надо... Я решила.

На следующий день она уехала.

Колесо судьбы Сергея сделало опять полный оборот.

Через некоторое время, слетав к родителям в Киев, Лариса появилась в Петрозаводске.

С Таисией Сергей больше не встречался. Несколько раз он видел ее издали, но она его явно избегала. В конце учебного года она по распределению уехала из города, не попрощавшись с Сергеем даже звонком...

С появлением Ларисы, Сергей перебрался на раскладушку «для гостей». Никаких «выяснений отношений» не было. Они просто жили в одной квартире. Лариса часто уезжала в Ленинград по любому поводу. Иногда надолго... Осенью Кольцов успешно защитил кандидатскую диссертацию в Ленинграде. Лариса царствовала на банкете...

«Амор» – Канев: «Склянка Часы-Zeitglas». 2009

«Интеллигентная сволочь»

Последний апрельский день выдался чудесным. Карельская весна наступает поздно, но сразу. За несколько дней лед сходит с Онежского озера, солнце быстро нагревает землю, и деревья сразу же покрываются листвой. Заметно удлиняется день. Жизнь, после долгой пред-полярной зимы, пробуждается. Мир воспринимается оптимистично.

Сергей Кольцов, тридцатилетний кандидат наук, в прекрасном настроении вышел утром из дома и отправился на автостанцию. Ехать предстояло недалеко, в гарнизон, расположенный в десятке километров за городом. Автобус высадил его у нужного поворота. Пройдя несколько сот метров, он подошел к КПП, предъявил свое удостоверение и вступил на территорию военного городка.

Здесь он бывал неоднократно. В гарнизонном Университете марксизма-ленинизма он в течение нескольких месяцев вел занятия по философии. Сегодня его слушателям предстояла сдача экзамена.

В Доме офицеров он поднялся в кабинет начальника майора Нестеренко, где кроме хозяина находился и замполит полка подполковник Юдин.

– Ну, что ж, – приветствовал он Кольцова, – приемная комиссия в сборе. Как настроение, Сергей Михайлович? Будете рубить моих хлопцев сразу или дадите им все-таки шанс?

– Сначала дадим им шанс, – ответил, улыбаясь, Кольцов, – а затем будем рубить, если они им не воспользуются.

Втроем вышли из кабинета и отправились в аудиторию, где их ждали офицеры.

Экзамен прошел нормально. Офицеры летного полка были людьми молодыми и грамотными. К экзамену подготовились серьезно и на вопросы отвечали четко и внятно. Начальство было довольным.

После окончания экзамена Кольцов и старшие офицеры вернулись в кабинет начальника. Майор открыл сейф, в котором, как Кольцов уже знал, хранилась «дежурная» бутылка «Московской». После занятий, которые заканчивались поздно вечером, Виктор Иванович Нестеренко, – мужчина «преклонных лет», дослуживавший до пенсии, неизменно доставал из сейфа бутылку и они вдвоем пропускали пару рюмок «на посошок». У Кольцова было такое впечатление, что это всегда одна и та же бутылка.

Офицеры и Кольцов выпили за успешное окончание экзамена. Закусили ломтиками лимона.

В дверь заглянул капитан Рязанов, староста учебной группы:

– Сергей Михайлович, все собрались. Мы Вас ждем.

Кольцов удивился, так как никакого разговора о «продолжении» не было. Однако все вышли из кабинета и направились по единственной улице городка в сторону леса. Здесь была накрыта «поляна». На белой скатерти стояли бутылки водки и закуска. Офицеры, явно, уже успели пообедать, поэтому ограничились легкой закуской: солеными огурцами, квашеной капустой, вареной картошкой и прочее. Обстановка была вполне располагающая к отдыху. Яркое и теплое солнце освещало кроны деревьев, вокруг была тишина, прерываемая лишь чириканьем птиц и гомоном повеселевших офицеров.

«Посиделки» были недолгими, но «интенсивными». Вскоре Кольцов почувствовал, что ему пора покинуть кампанию. Тем более что вечером ему предстояло присутствовать в Финском театре на Торжественном заседании в честь предстоящего праздника. Ехать в таком состоянии на рейсовом автобусе было рискованно. Кто-то предложил отвезти его в город на мотоцикле с коляской. Но мотоцикл пригодился только для того, чтобы подъехать на «причал», так как Рязанов взялся доставить «товарища лектора» в Петрозаводск на своем катере.

Кольцов занял место рядом с капитаном в небольшом катере, типа «Казанка», и они бодро отправились в приятное путешествие по волнам Онежского озера. Настроение у него было чудесное. Пьянило ощущение простора и свободы. Хотелось петь. И он запел...

«Из-за острова на стрежень,
На простор речной волны...»

Песня неслась над гладью бескрайнего озера и уносилась к голубым облакам. Капитан за штурвалом подпевал ему. Так, завершив песню, они подлетели к пристани. Выскочив с катера на причал, Кольцов помахал на прощание удалявшемуся катеру и повернулся, что бы направиться к театру, куда он уже опаздывал.

...И увидел прямо перед собой двух молодых милиционеров.

– Здравствуйте, – опешив, произнес он и попытался пройти мимо них.

Когда он поравнялся с милиционерами, они, не говоря ни слова, резко заломили ему руки за спину.

От неожиданности он закричал:

– Что вы делаете?

Милиционеры, не отвечая, потащили его на глазах гулявшей в этот вечерний час на берегу озера публики к машине. Здесь они передали Кольцова двум другим милиционерам, которые бесцеремонно затолкали его в «газик». Один из них сел напротив, другой рядом.

– Товарищ старшина, – обратился Кольцов к старшему из них. – В чем дело? Почему меня задержали? Я ничего не нарушал? Я опаздываю. Мне надо быть...

Договорить он не успел. Тот, который сидел рядом схватил его за галстук и стал душить. Другой нанёс ему тяжелый удар в живот. Кольцов согнулся пополам, его вырвало, и он потерял сознание. Последнее, что он услышал, было:

– Заткнись, интеллигентская сволочь!

...Очнулся Кольцов на кровати. Он лежал в одних трусах на голом, грязном матрасе. С потолка комнаты свисала тускло горевшая лампочка. Рядом на соседних кроватях лежали такие же голые люди. Вероятно, было уже поздно. Окон в комнате не было. Он попытался повернуться и почувствовал, как болит все его тело, как будто он упал с большой высоты. Отрывочно начал вспоминать, как его привезли, вытолкав из машины как мешок на землю, как с ним говорил какой-то лейтенант, говорил что-то издевательски вежливое, потом его неожиданно почему-то стали бить, сбросив ударом сзади с табуретки на пол, потом он уже ничего вспомнить не смог...

Кольцов почувствовал, что замерз. С усилием, преодолевая боль в пояснице, встал с кровати, подошел к двери и начал в нее стучать. Окошко в двери открылось и оттуда спросили:

– Тебе чего? Что стучишь? Люди спят.

– Позовите дежурного офицера, – потребовал резко Кольцов.

– Тебе что, мало досталось? Хочешь еще? Иди, проспись.

– Вызывай офицера! Или я буду стучать всю ночь.

– Ты, кто такой? Фамилия? – с угрозой прозвучал голос за дверью.

Кольцов назвал свою фамилию. Окошко захлопнулось.

Он не отходил от двери. Ждать пришлось недолго.

Дверь открылась. В ее проеме стоял толстый молодой милиционер с одеждой в руках. Он кинул одежду Кольцову и негромко произнес:

– Одевайтесь и выходите (?!).

Он подождал, пока Кольцов наденет мятые рубашку и костюм. Галстука и обуви не оказалось. Так он босиком прошествовал по затемненному коридору за милиционером. Тот без стука открыл дверь комнаты.

– Проходите.

В кабинете за небольшим школьным столом сидел капитан милиции, лет сорока. Он поднял голову и сказал:

– Здравствуйте, Сергей Михайлович. Присаживайтесь, – показал на стул у двери. – Можете обуться.

Кольцов увидел рядом со стулом свои туфли, начищенные так, будто сделал он это сам. Носков не было.

Капитан дождался, когда он закончил обуваться и заговорил:

– Произошло досадное недоразумение. Я приношу извинения за наших сотрудников. Они – люди молодые. Деревенские. Ну, перегнули палку. Но Вы должны понять... – капитан взял со стола какую-то бумагу. – Вот протокол, который мне оставил старший лейтенант.

– Вы устроили пьяный дебош на пристани в присутствии десятка свидетелей. Оказали сопротивление сотрудникам милиции. Оскорбляли их. Но, самое главное, Вы были даже не в состоянии назвать свою фамилию. Вот в протоколе записано: «неизвестный». Откуда сотрудники могли знать, кто Вы такой? Потом, правда, разобрались... Но Вы уже отдыхали, и я решил Вас не беспокоить.

Говоря это, капитан, через стол протянул Кольцову его удостоверение. Тот поднялся со стула, боль в пояснице напомнила о себе. Сидение на жестком стуле давалось ему с трудом, он все время боялся с него упасть. Удостоверение нашли, конечно, в кармане пиджака. Но лежавших там денег не оказалось. Как и часов.

– Который час? – спросил Кольцов. – И где мои деньги?

– Сейчас, – капитан посмотрел на часы, лежавшие у него на столе, – четыре пятнадцать.

И протянул Кольцову его часы «Полет». Ему опять пришлось встать со стула и подойти к столу. Вопрос о деньгах капитан проигнорировал. Он, очевидно, ни о каких деньгах не знал. Он же заступил на дежурство «позже». И в протоколе о деньгах, наверняка, ничего не сказано.

– Я позвонил Вашей жене. Скоро она здесь будет.

Кольцов понимал, что узнать номер его домашнего телефона было нетрудно, но жену он никак не хотел бы здесь видеть. Вернее, он не хотел, чтобы она увидела его в таком состоянии. Но он промолчал.

Через несколько минут дверь открылась и в кабинет вошла Лариса. Увидев ее, капитан вскочил из-за стола и устремился к ней навстречу. Лариса умела произвести впечатление. Ее появление в этом убогом кабинете среди ночи было подобно выходу Афродиты из морского прибора.

– Проходите, садитесь, пожалуйста, – засуетился капитан. – Извините, что побеспокоили Вас так поздно.

Лариса была невозмутима как статуя ее предшественницы. Она холодно улыбнулась милиционеру, окинув взглядом его тщедушную фигуру сверху вниз и, оставаясь у дверей, коротко спросила:

– Мы можем ехать? Такси ждет.

Только после этого, она посмотрела на мужа, продолжавшего сидеть на стуле у двери.

– Да, конечно, вы свободны, – брякнул по привычке капитан, но тут же сообразил... – Извините, оговорился.

Он вернулся за свой стол, за которым вновь обрел уверенность в себе. Оттуда он обратился к уже вставшему и повернувшемуся к выходу Кольцову:

– Одну минутку, Сергей Михайлович, – капитан держал в руках бумагу, в которую Кольцов так и не заглянул. – Я уничтожаю Ваш протокол. Но полагаюсь на Ваше благоразумие. Пусть это недоразумение останется между нами. Вы, думаю, согласны? – капитан демонстративно медленно порвал бумагу.

Кольцов промолчал, понимая, что милиционер прав. Огласка не нужна была ни ему, ни милиции. Опротестовывать «протокол» было бессмысленно.

Они вышли на ночную знакомую улицу. Вырезвитель оказался в двух кварталах от места работы Кольцова, который до этого не обращал внимания на этот небольшой деревянный домик в глубине двора. В такси они сидели молча, до их дома ехать было недалеко.

Войдя в квартиру, Кольцов сразу же направился в ванну. В горячей воде боль постепенно отпускала тело, но сосредоточилась теперь в районе почек. Он не сразу заметил, что вода в ванной стала черной. И испугался.

– Тебя сильно били, – сказала вошедшая в ванну с полотенцем Лариса. – Об этом меня предупредил капитан еще по телефону. Он не знал, сможешь ли ты выбраться оттуда сам. Вероятно, били сапогами или ботинками, поэтому у тебя вся спина черная от грязи. Дай бог, чтобы не отбили что-нибудь внутри!

Приходя в себя, Кольцов только сейчас начал осознавать весь ужас, произошедшего с ним. И дело было не столько в том, что его впервые в жизни избивали, и он даже не мог оказать сопротивление. Это тяжело было осознавать, но боль, наверное, со временем пройдет. Но он уже знал, что никогда не забудет то острейшее унижение, которое испытал. Своими сапогами какая-то безмозглая дрянь, исключительно из инстинкта садизма, растоптала его как человека!

Он на всю жизнь запомнит это чувство попранного человеческого достоинства. И тогда, когда будет смотреть популярные советские «мыльные» телесериалы о бравых «ментах». Глядя на знаменитых киноактеров, с талантом и упоением играющих роли непорочных «борцов» за справедливость и закон, у Кольцова будет желание спросить этих интеллигентов: а вы сами, хотя бы раз, побывали в «гостях» у советского гестапо? Недаром русская мудрость гласит: от сумы и от тюрьмы не зарекайся!

...Сейчас же, в эту весеннюю ночь, Кольцову хотелось только одного: чтобы она никогда не заканчивалась. Он не хотел, чтобы наступил день. Потому что не мог себе представить, как он будет жить дальше. Да, вероятно, никто ничего не узнает. Но он то знает! И знает об этом еще один человек. Лариса!

Кольцов отдавал себе отчет, что произошедшее явилось для нее, может быть, большим потрясением, чем для него. Она была свидетельницей его унижения, он на ее глазах, на мгновение, превратился в н и ч т о. Но этого мгновения вполне достаточно. Он хорошо знал свою жену. Как у любой женщины, у нее были свои недостатки. Но главным в ее жизни было чувство собственного достоинства. Она не скажет ему ни слова, но он знал, что в эту ночь он потерял ее уважение.

...Вскоре Лариса уехала в Ленинград и подала на развод...

«Склянка Часу» №50. – Канев: 2009

Чарли

Чарли родился в квартире Хозяина вместе со своими братьями и сестрами. Мать его звали Чика. Поэтому его называли Чарли, в честь Чарли Чаплина, которого очень любил Хозяин.

Чика и ее дети вскоре из квартиры Хозяина исчезли, и Чарли остался один.

Хозяин тоже жил один в почти пустой двухкомнатной квартире. В квартире, кроме телефона и железной кровати, стояла раскладушка, которой вскоре стал спать Чарли (если кто-нибудь из гостей не оставался на ночь, чего тот очень не любил). Посреди пустой комнаты стоял на собственных ножках телевизор «Таурас». Чарли по вечерам вместе с Хозяином смотрел его. Особенно ему нравились передачи футбольных и хоккейных матчей. Он очень внимательно следил за быстрыми передвижениями мяча или шайбы. Чарли любил слушать и музыкальные концерты, во время которых даже иногда пытался поддержать мелодию своим внутренним голосом.

Мяукать Чарли вначале не умел (вероятно, не успел научиться), поэтому с Хозяином он общался исключительно посредством мимики и телодвижений. Хозяин же разговаривал с ним на своем языке, и Чарли очень быстро его освоил. И между ними скоро установилось полное взаимопонимание. Чарли очень нравилось, когда Хозяин иногда подолгу с ним беседовал, а когда Хозяин не уделял ему должного внимания, очень обижался.

Вообще Чарли во всем подражал своему Хозяину. На своей раскладушке он спал точно также как Хозяин, вытянувшись во весь рост на боку и подложив под голову одну лапу. На кухне, когда Хозяин садился за самодельный деревянный стол, Чарли устраивался на задних лапах рядом, на широком подоконнике и ел любимую вареную треску, вытаскивая ее лапой из своей чашки. Совместная трапеза обязательно завершалась питьем чая из стакана Хозяина. Чарли не любил есть без Хозяина и всегда терпеливо ждал его возвращения с работы, хотя еда ему всегда оставлялась на кухне.

Предназначенное для него в туалете «место» Чарли отверг. Свои проблемы он стал решать, используя унитаз. Гости Хозяина отказывались верить, однако вынуждены были признать это из-за отсутствия специфического запаха в маленькой квартирке.

Вообще Чарли не любил, когда к Хозяину приходили гости, особенно женщины. Тогда на весь вечер он уходил в свой угол, и покидал его только с уходом гостей, всем своим поведением выражая недовольство.

Когда Чарли подрос, Хозяин стал выпускать его во двор. Во дворе он быстро освоился, и вскоре они с Хозяином стали выходить вместе «на работу». Чарли точно знал, когда Хозяин возвращался и ждал его у подъезда. Когда Хозяин был дома, двор Чарли не интересовал. Но теперь на время визита гостей Чарли уходил «погулять» и не возвращался до того, пока последний гость не покидал квартиру.

Все дети во дворе полюбили независимого и умного Чарли. Он знал их всех, но никому не позволял с ним фамиллярничать. А за Хозяином среди детей вскоре закрепилось имя «Чарлин папа». Часто дети, встречая возвращавшегося с работы Хозяина, докладывали, что Чарли «натворил» за день.

Однажды, когда Хозяин подходил к своему подъезду, он увидел группу ребят, стоявших вокруг растущего во дворе большого дерева, и что-то возбужденно обсуждавших. К нему подскочил соседский мальчишка Дениска с возгласом: «Спасите Чарли! Он не может слезть с дерева и сейчас упадет!»

Подойдя к дереву, Хозяин узнал из сбивчивых рассказов детей, что Чарли напугала случайно заскочившая во двор собака. Знакомых собак он не боялся и они его не трогали. А здесь, очевидно, чужая собака оказалась непонятливой, и Чарли предпочёл с ней не связываться и удалился на дерево. Но собака была настырной и своим лаем загоняла Чарли все выше

и выше. Наконец он очутился почти на последней ветке дерева, которое по высоте превышало пятиэтажный дом. Оказавшись на конце ветки, Чарли уже не мог развернуться и спуститься вниз. По словам ребят, он просидел так довольно долго и, очевидно, устал.

Увидев сверху Хозяина, Чарли подал голос (мяукнув). Но было непонятно, то ли он извинялся, то ли предупреждал об опасности. Во всяком случае, жалобной интонации не ощущалось. Чарли, как бы понимал, что никто ему помочь не может. Ребята были в отчаянии. Хорошо, что еще давно кто-то догадался обрезать нижние ветки, иначе сейчас все дерево было бы облеплено детскими телами.

Хозяин был уже немолод, да и прошло очень много времени с тех пор, когда он последний раз влезал на дерево. Но пришлось вспомнить. По его просьбе ребята быстро соорудили небольшую пирамиду из деревянных ящиков, стоявших у магазинного подвала, которая позволила ему с предосторожностями добраться до первой ветки. Потом дело пошло быстрее. Дерево было старое и ветки крепкие. Хозяин, не обращая внимания на высоту, поднялся до последней ветки, которая могла его еще удержать. Но Чарли находился выше. До него оставалось несколько сантиметров, преодолеть которые было уже невозможно. Ситуация была безвыходной.

Все это время Чарли молчал, терпеливо наблюдая за восхождением Хозяина. Но когда Хозяин достиг последней ветки, Чарли, очевидно, понял, что дальше Хозяину нельзя, и предупредительно угрожающе мяукнул. Так прошли несколько томительных минут, Хозяин и Чарли молча смотрели в глаза друг друга. И Чарли понял!

Подал предупредительный крик, он прыгнул...

Снизу раздался торжествующий возглас ребят. Сделав в воздухе невероятный разворот, Чарли упал точно на плечо Хозяина. Так они замерли на мгновение. Затем вместе стали медленно спускаться. Это было труднее, чем подниматься. Хозяин не мог сделать резкого движения и спускался, почти не глядя вниз. Чарли сидел на его плече как каменный, не шевелясь. Наконец, они вступили на землю под радостные вопли детей. Чарли не покинул плеча Хозяина до того, как они вошли в квартиру...

Время шло, и в доме Хозяина однажды появилась Женщина. Вначале Чарли отнесся к ней снисходительно. Хотя она бывала чаще, чем другие гости, но на ночь не оставалась. Поэтому Чарли был уверен, что это ненадолго. Но однажды Женщина осталась в доме. Но и это Чарли перенес по-мужски. Только теперь он просто стал уходить из дома по ночам и возвращаться утром, когда Женщина покидала квартиру. Он не оставался с ней надолго дома, хотя принимал, как должное, ее обслуживание в отсутствие Хозяина. Поев и отдохнув от «бессонной» ночи, он покидал квартиру до возвращения Хозяина. В его же присутствии он чувствовал себя в квартире, по-прежнему, равноправным Хозяину.

Но все изменилось, когда через год в доме появился третий человек, точнее – человек. Это маленькое существо своим непонятным поведением очень удивило Чарли. Он стал оставаться дома днем и старался все время быть рядом с этим шумным существом, ревниво следя за тем, чтобы Женщина выполняла все свои обязанности. Если Она задерживалась подойти к плачущему ребенку, Чарли возмущался и был настойчив. Когда же в квартире появлялся Хозяин, Чарли спокойно отправлялся «по своим делам».

Однако, по мере того, как человек подрастал, менялось и поведение Чарли. Оставаясь по вечерам дома, он, обычно, не выходил из своего угла. Совместные с Хозяином просмотры телевизионных программ давно прекратились, как давно ушли в прошлое и совместные трапезы на кухне. Теперь рядом с Хозяином была Женщина. И Хозяин все больше времени уделял ей и маленькому человечку, не обращая внимания на ревность Чарли. Он все реже и реже стал бывать дома. Иногда исчезал на несколько дней, возвращаясь востряпанный и голодный. Отдохнув, он вновь уходил.

Но привычка встречать Хозяина с работы у него все-таки осталась. Чарли часто ждал Хозяина у подъезда, но зайти с ним в дом нередко отказывался.

Однажды Хозяину пришлось на несколько дней покинуть город.

Подойдя ранним зимним утром к подъезду своего дома, он услышал под лестницей хриплый знакомый голос. Это был Чарли. Подползти к Хозяину он уже не мог. Хозяин поднял его на руки. Кто-то распорол ему живот. Видно было, что он пролежал здесь ни один день, кровь уже запеклась и почернела.

Ветеринар сказал, что от такой раны кот должен был умереть сразу, и чудом было то, как он дождался Хозяина. Но спасти его было уже невозможно. Чарли умер...

«Литературный Севастополь» №5 – Севастополь: «Вебер». 2008

Танки в снегу

До Лахденпохья Кольцов добрался на автобусе. С новенькой кожаной сумкой в руках он бодро прошагал через типичный карельский городок на берегу Ладожского озера и подошел к железным воротам военного гарнизона. Пройдя КПП, он оказался во дворе, заполненном сотнями слонявшихся без дела «партизан».

...В свое время Кольцов не был призван в армию, но получил военный билет с «ограниченной годностью». С тех пор прошло много лет. В университете «военную кафедру» на его факультете ввели тогда, когда он его уже заканчивал. Так получилось, что, прожив первые свои шестнадцать лет в военных гарнизонах, вторые шестнадцать он оставался «рядовым запаса». Первоначально его это не беспокоило. Но, когда он переехал в Карелию, начались периодические военные «сборы», которые пришлось проходить в рядах рядовой братии «резервистов».

И вот однажды, новый «военрук», пришедший в консерваторию из военкомата, остановил его в коридоре и неожиданно завел разговор:

– Негоже Вам, Сергей Михайлович, доценту, заведующему кафедрой марксизма-ленинизма, до сих пор ходить в «рядовых». Давайте, мы Вас определим в лейтенанты запаса. Все данные для этого есть. Не хватает только служебного стажа. Но этот вопрос можно решить. Отправим Вас на военные сборы на офицерскую должность. А по возвращению, получите нормальный офицерский военный билет. Согласны?

Кольцов не придавал этому разговору значения.

Однако вскоре его вызвали в военкомат и предложили пройти «краткосрочные курсы». Занятия были по вечерам, военкомат находился недалеко от дома. Поэтому Кольцов посещал занятия регулярно. Потом о нем вроде бы как забыли. Но осенью, когда учебный год начался, к нему подошел «военрук» и сообщил:

– Через неделю отправляетесь на месячные «сборы». Готовьтесь.

В полученном предписании сообщалось место и время прибытия. Так он оказался вновь в армии...

В военном городке Лахденпохья располагался «кадрированный» танковый полк, на базе которого проходили «сборы» резервистов. Кольцова окружили в основном деревенские мужики: шофера, «механизаторы» и прочие самых разных возрастов. Многие из них друг друга знали и группировались по «землячеству», либо по прежней службе. Кольцов чувствовал себя в этой кампании «интеллигентной вороной».

Постепенно, по группам, «партизан» провели через баню, предварительно выдав на складе воинское обмундирование. Не новое, но вполне приличное «бэу». Некоторые приехали в своей старой армейской форме, которая сидела на них как на пивных бочках. Все получили солдатские шинели. Многие не надели на них армейские ремни, оставив их на гимнастерках. Кроме того, почти все отказались перед баней стричься. Так что из-под армейских шапок торчали их отросшие патлы и это был особый шик. Вот тогда Кольцов и понял, почему резервистов прозвали «партизанами».

После бани Кольцов переоделся в офицерскую форму. Сидела она на нем хорошо. Пожалел даже, что не взял с собой фотоаппарата. Но жесткая шинель топорщилась. Шапка оказалась на размер меньше и висела на затылке. Зато сапоги ему достались на размер больше. Как объяснил старшина, у него оказался слишком «ходовой» размер. Кольцов не придавал этому значения, о чем позже очень пожалел. Полученные лейтенантские погоны еще предстояло пришить к гимнастёрке. Так же как и белый воротничок. Это далось с трудом, но опытные «сослуживцы» помогли. Потом в «каптерке» были получены котелки, кружки, ложки, мыло и вещевые мешки. В большие брезентовые мешки была сложена гражданская одежда и личные «принадлежности». Они, с деревянными бирками фамилий, остались на складе гарнизона.

После «приведения себя в порядок» резервисты пообедали в столовой гарнизона и почти сразу же загрузились на машины. Им предстояло служить не в этом обжитом военном поселке, а на «полигоне» в двух десятках километрах от города.

Большая колонна военных машин сразу же углубились по проселочной дороге в осенний лес. Ехали недолго. Вместе с другими Кольцов спрыгнул с кузова грузовика и занял место в строю. Последовала команда разгружать машины. После этого они ушли, и отряд начал устанавливать палатки. Их ставили в два ряда между деревьями. Палатки для рядовых были большие на взвод, для офицеров – маленькие, на четыре человека. В офицерских устанавливали железные кровати, в рядовых – деревянные топчаны. В каждой палатке соорудили печки-«буржуйки» с трубами, выведенными в окна. Одна команда оборудовала полевую столовую, сооружая столы, скамьи и навес. Все делалось быстро, слажено, с шутками. Видно было, что люди знали свое дело. К наступлению темноты устройство лагеря было завершено. По цепочке передали команду готовиться к ужину, а офицерам – прибыть в штабную палатку.

Штабная палатка, к которой Кольцов подошел вместе с другими, оказалась более просторная, чем обычная офицерская. Здесь располагались кровати штабных офицеров, и посредине стоял большой сколоченный из досок стол, на котором находился аппарат полевого телефона и лежали свернутые карты и офицерские планшеты. Над столом низко свисала большая электрическая лампочка, свет для которой подавался от рядом работавшего генератора. Он же освещал и полевую кухню. Ни столовая, ни другие палатки не освещались.

После приветствия командир полка, подполковник Калаберда, плотный мужчина лет под пятьдесят, представил всех собравшихся офицеров. Кадровых было немного: замполит майор Голубков, начштаба майор Соловьев и несколько заместителей по строевой, боевой и прочей подготовке. У каждого были «дублеры» из резервистов. Офицеры-резервисты возглавляли роты и взвода. Кольцова определили на должность «агитатора» полка и передали в подчинение замполита. После этого комполка поставил «задачу».

Полку предстояло, после обустройства лагеря, провести полевые и тактические танковые учения.

Кольцов недоумевал. Никаких танков он поблизости не видел. И как можно проводить танковые учения в глухом лесу, он не представлял. Но промолчал. На его вопрос, чем собственно должен был заниматься он, замполит ответил коротко:

– Позже разберемся.

После совещания офицеры-резервисты отправились в столовую, но там их никто уже не ждал. «Партизаны» успели употребить всю приготовленную кашу. В темноте разобраться было невозможно. Поэтому Кольцову вместе с другими пришлось довольствоваться теплым чаем. Его «малая» штабная палатка, которую он нашел в темноте с трудом, показалась ему удобной. У входа печка светилась уютным огнем. Рядом с ним расположились «дублеры» штабных офицеров. Все были почти одного возраста, хотя и в разных званиях. Двое работали в сельских школах, один из них – директором. Третий был инженером из Кандопожского комбината. Общий язык нашли быстро. Впоследствии его «сожители», прошедшие в свое время армию, помогли ему освоить премудрости военного быта. Первая ночь прошла спокойно. В палатке было тепло.

В первые дни обустроивался лагерь. Офицеры-резервисты, приписанные к штабу, дежурили там по очереди, выполняя разные поручения. Начальник штаба, вероятно, чтобы избавиться от назойливого лейтенанта, поручил Кольцову «срисовывать» полевые карты на ватман. Но он был удивлен, когда в конце дня увидел результат.

– Вы, Кольцов, где научились так читать и копировать карты? Вы что, были в военном училище?

– Нет, товарищ майор, – ответил Кольцов. – У меня нет военного образования. А карты я умею читать еще с детства, когда мечтал стать штурманом дальнего плавания и копировал карты знаменитых морских путешествий.

– Да, – с улыбкой сказал начштаба. – В Вас погиб штабной оперативник.

Однако вскоре замполит освободил Кольцова от штабных дежурств, поручив ему более «ответственное» дело. Григорий Семенович Голубков, несмотря на свой «критический» возраст, учился заочно в одной из военных Академий, и зимой ему предстояла экзаменационная сессия как раз по «политическим» предметам. Теперь в служебные обязанности «агитатора» полка входили ежедневные консультации замполита по философии, «научному коммунизму» и политэкономии. Кольцов подозревал, что эти предметы вместе не могут присутствовать в одной сессии, скорее всего, у его ученика были серьезные «задолженности» по учёбе. Без учебников и литературы готовиться к таким консультациям было трудно. Но выбора не было. Почти каждый вечер в палатке замполита проходили «беседы», в результате которых доцент Кольцов уже не понимал, кто из них тупее: ученик или учитель. То, что, при его преподавательском опыте, казалось простым и понятным, для его собеседника было непостижимым. Замполит подходил ко всем проблемам просто:

– Вы, Кольцов, преподнесите мне все это так, чтобы я запомнил. А понимать мне эту галиматью незачем. А еще лучше, если бы Вы просто написали мне шпаргалки.

Это было уже выше возможностей Кольцова. К его счастью в лагере имел место острый дефицит бумаги, а шариковые ручки вообще отсутствовали (офицеры в «полевых условиях» привыкли пользоваться карандашами). Но вечерние «беседы» продолжались, хотя со временем Голубков потерял к ним интерес. В результате Кольцов оказался свободен. Но эту свободу приложить было некуда. Книг он с собой не взял. До ближайшего селения километров восемь-десять. Но и там, по слухам, нет ничего, кроме магазинчика и почтового отделения. В лагере установили «сухой закон» и пьяных, действительно, не попадались. Но каждое утро перед построением на «плацу» у деревянной «трибуны» аккуратно выстраивались пустые винные бутылки («фугасы»). Очевидно, вино привозили водители-«срочники» из гарнизонного городка, но попытки офицеров установить источник «контрабанды» не имели успеха.

Обычно четверка штабных резервистов, чтобы не мозолить глаза начальству, уходила в лес и на полянке резалась до обеда в карты. Но вскоре погода внесла свои коррективы в это единственное развлечение.

Однажды утром лагерь проснулся занесенный снегом. Крупный снег валил весь день. Потом снегопад прекратился. В Карелии часто бывает так, что за зиму снег выпадет всего несколько раз, но зато заносит так, что лежит он до конца зимы. К столовой пришлось, буквально, «прорываться» в снегу, и обед, конечно, оказался совмещен с ужином. Весь день лагерь освобождался из-под снега. Саперными лопатками это сделать было практически невозможно, но к середине дня привезли из гарнизона деревянные лопаты. В лагере прочистили широкие тропы, утрамбовали снег на «плацу». И теперь главной проблемой отряда стала заготовка дров. На это были брошены все. Из гарнизона доставили двуручные пилы, топоры. И в лесу начали валить деревья. Рядом с лагерем заготавливать дрова было запрещено. Но на себе деревья из леса не вытащишь. Поэтому пилили вдали от лагеря, но недалеко от дороги, а потом подвозили на машинах. Эти дрова распределялись только для «служебного пользования», прежде всего, для кухни, а каждой палатке они выдавались строго по норме. Остальное, для «личного пользования», рубилось все-таки с наступлением темноты рядом с лагерем. А днем все дрова одинаковы. Палатка Кольцова имела такую возможность днем, когда лагерь пустел. Все отправлялись на «учения» или на работу, а они в лес... играть в карты. Стоя по колено в снегу, на высоком пеньке перекинулись в «партию», – спили дерево, перекинулись во вторую, – распилили ствол, перекинулись в третью, – раскололи на большие бруски, чтобы легче было ночью вынести. Так с пользой проходил день. Поэтому в их палатке всегда было тепло.

Снег внес серьезные коррективы в планы «учений».

В первые дни «полевые» учения проходили на «полигоне», который находился недалеко на опушке леса. Здесь все было уже оборудовано: окопы, ячейки, стрельбище, «полоса препятствий» и даже «блиндаж». В некоторых «учениях» Кольцов принимал участие наравне со всеми. На стрельбище резервисты «отводили душу». Стреляли по неподвижным и подвижным мишеням. Из окопа, из разных положений... Кольцов из пистолета стрелял впервые, но получилось у него неплохо. Его даже отметили. С метанием гранат дело было похуже. У него еще со школьного «военного дела» это получалось неважно. Но там были муляжи, а здесь настоящие боевые гранаты. Двух попыток было достаточно. К станковому пулемету он вообще не подошел. Благо, никто не заставлял.

Совсем плохо у Кольцова оказалось со «строевой». Для бывалых служак это было развлечением, для него – мукой. Он просто тупел от строевых команд. Когда на утренних построениях он проходил вместе со «штабными» во главе колонны мимо «трибуны», командир полка не мог этого вынести:

– Кольцов! – орал он. – Тяните ногу, ... твою мать! Ставьте ровно ступню, идиот! Вы когда научитесь ходить нормально?!

В конце концов, терпение комполка лопнуло, и Кольцова отстранили от «прохождений». Он, конечно, не возражал.

Все ждали начала «боевых» занятий. Штаб разрабатывал «оперативные» планы, маршруты передвижений, схемы «позиций» и прочее. Как дежурный по штабу Кольцов иногда присутствовал на таких совещаниях. Изредка начштаба использовал его графические способности.

Однажды ночным переходом на полигон было доставлено около десятка танков. На сравнительно ровном поле полигона танки, размещенные в заранее подготовленных укрытиях («капонирах»), воспринимались нереально как гигантские черепахи, до тех пор, пока не заводили свои моторы.

В порядке ознакомления Кольцов побывал в одном из них. Это был Т-55, огромный с длинным стволом орудия и широкой «грудью». Снаружи он производил внушительное впечатление. Но когда Кольцов оказался внутри танка, он был поражен. Как в нем могли разместиться четыре человека? Ноги командира танка почти упирались в плечи водителя. Наводчик и «заряжающий» были стиснуты между замком орудия и штабелем снарядов. Повернуться было просто некуда. Воздух проникал свободно только при открытых люках. Хотя внутреннее оснащение танка, само по себе, смотрелось современно. Но он представил себе положение экипажа во время марша, а затем – боя. Танк явно не был предназначен для долгого нахождения в нем людей.

Кольцов вспомнил польский сериал «Четыре танкиста и собака», в котором герои весело разъезжали по дорогам и полям на Т-34 как в просторном «Мерседесе», и спросил сопровождавшего его офицера:

– Сколько такой танк может продержаться в современном бою?

– По условной статистике – до двадцати минут, – спокойно ответил тот.

Да, понял Кольцов, выжить в таком танке больше – невероятно. Он теперь знал, что танкисты во время войны были «смертниками». У них практически не было шанса выйти живыми из танкового боя.

Участие Кольцова в танковых учениях не предполагалось.

Однако и сами учения не состоялись. После снегопада танки оказались в своих укрытиях засыпанными по башни. И хотя их, в конце концов, откопали, проводить полевые маневры на заснеженном полигоне было бессмысленно. Правда, два танка с кадровыми экипажами провели показательные «упражнения». Но посадить в танки экипажи резервистов начальство не решилось. Отказались и от проведения танковых стрельб, вероятно из соображений без-

опасности. Так что «учения» офицеры провели в штабе по картам. Рядовой состав полка предавался в это время полному безделью.

Ровно через две недели после прибытия в лагере была устроена «баня». Утром установили большую армейскую палатку с брезентовым полом, в ней «задраили» окна, оставив лишь только одно, в которое воткнули трубу из котла полевой кухни. Несколько часов повара нагоняли в палатку «пар». Затем по очереди стали загонять в нее людей. Раздевались догола в маленьком «предбаннике», затем влетали в «парную», в которой трудно дышать как в хорошей парилке. В темном тумане метались причудливые тени, хлещущих березовыми вениками друг друга людей. Гвалт был невероятный. Взрослые мужики дурачились как дети. На деревянных лавках стояли тазы с водой из растаявшего снега, и ею окатывали неожиданно рядом подвернувшегося. Через несколько минут, по команде «освободить помещение», вновь выскакивали в «предбанник» и быстро натягивали на себя холодную одежду. Кольцову понравилась эта «баня». После долгого житья в палатке, почти не раздеваясь, приятно было ощутить себя «очищенным».

Рано опускавшаяся ночь погружала лагерь в безмолвие. Люди не высовывали носа из палаток. Только по «необходимости» или в столовую, которую успели накрыть деревянным навесом. Электричества в лагере не было, не было, разумеется, ни радио, ни газет, ни книг. Некоторые захватили с собой гитары, которые приглушенно слышались в ночи. Почту привозили раз в неделю, взрослые мужики радовались, как дети. Кольцов представлял, как это происходило на фронте. В его палатке по вечерам валялись на кроватях и трепались. Палатка освещалась только огнем, пробивавшимся в щели дверцы печки.

*«...Бьётся в тесной печурке огонь.
На поленьях смола как слеза...»*

Однажды вечером, лежа на кровати, Кольцов сказал своим соседям:

– Мужики, а мне сегодня стукнуло тридцать три.

Естественно, сначала никто не поверил и не отреагировал. Лишь через несколько минут до кого-то «дошло».

– Ты что, Сергей, серьезно? У тебя, что – день рождения?

– Да, вроде так.

Началась суета. Но это было бесполезно. В полупустых вещмешках нашлась только банка сгущенного молока. Ею и «отпраздновали» возраст Христа.

Накануне после завтрака Кольцов сбегал в «самоволку» в деревню. Был солнечный день. По протоптанной лесной тропе он добрался до деревни примерно за два часа. Но деревня оказалась всего в несколько ветхих домишек, из окон которых выглядывали древние бабки, да один старик появился во дворе. Кольцов нашел «почту», помещавшуюся в маленьком деревянном домике, где приветливая женщина средних лет смогла терпеливо соединить его с Петрозаводском. Поздравив жену со своим днем рождения, он не стал тратить время на рассказы о своей «службе». На двери деревенского «магазина» на гвозде висела, вероятно, уже давно бумажка: «завоза товара нет».

Так с пустыми руками Кольцов отправился в обратный путь, который оказался значительно труднее. Его сапоги, на размер больше, растерли ноги до кровавых мозолей. В конце концов, он перестал перематывать портянки и шел, преодолевая изнуряющую боль. В результате он опоздал на Торжественное «построение», на котором такие же «неслужившие», как он, принимали воинскую присягу. Ему хватило сил добраться только до своей палатки. Он остался также и без «праздничного» обеда. Соседи ему рассказали, что комполка был раздосадован его отсутствием, но ему объяснили, что Кольцов «болен». И, действительно, когда замполит зашел в их палатку, он увидел окровавленные портянки и жалкого лейтенанта на кро-

вати. Выразив свое «соболезнование», он удалился. Так Кольцов перешел в офицерский чин, не приняв воинской присяги.

Наконец, было объявлено об окончании «сборов». Из гарнизона доставили гражданскую одежду резервистов. Им приказали переодеться и сдать воинское обмундирование. Выезд из лагеря назначили на 22.00. Предполагалось машинами доставить их прямо на железнодорожную станцию, откуда на «товарняке» развезти по местам проживания. Такая перспектива Кольцову не понравилась. Он узнал, что лагерь будет эвакуироваться на следующее утро и для этого в нем остаются несколько человек и шофера, которые были мобилизованы на сборы на своих машинах. С одним из шоферов Иваном Сажиным, водителем водовозки, Кольцов договорился, что тот утром подбросит его до городка Суоярви, откуда он к вечеру доберется рейсовым автобусом в Петрозаводск.

Когда поздно вечером резервисты стали покидать лагерь, Кольцов накрылся на кровати одеялом и промолчал, когда в палатку заглянул проверяющий. После долгой суety лагерь затих. И тогда он понял, что поступил непредусмотрительно: нельзя топить печку! Свет и дым будут замечены сразу в опустевшем лагере. Накрывшись всеми одеялами и стуча от холода зубами, он провел без сна всю ночь. Утром завтрака не было, ограничились теплым чаем. Не дожидаясь прибытия команды из гарнизона для вывоза имущества, Кольцов в кабине водовозки покинул лагерь.

По пути завезли домой одного прапорщика, который умудрился к цистерне прицепить два больших мешка с буханками солдатского хлеба:

– Для свиней, – весело пояснил служака. – Не пропадать же добру.

Кольцов про себя чертыхнулся, вспомнив, как строго «по норме» выдавался этот хлеб в столовой. Зато столько каши (в основном «перловки») съедено, сколько он не съел за всю свою жизнь, и вряд ли когда-нибудь к ней еще прикоснется!

Избавившись от говорливого прапорщика, они двинулись дальше. В Сортавале Сажин «заправился» в магазине двумя бутылками водки. Кольцов купил два холодных пирожка с капустой, полагая, что путь их будет недолгим. Однако не успели отъехать от города, как лопнула камера одного из задних колес. Целой «запаски» не оказалось, пришлось разбортовывать колесо и клеить камеру. На это ушло почти два часа. Уже начало темнеть, когда, подъезжая к Суоярви, они увидели в придорожном перелеске упавший на бок автобус. Как он туда залетел, было непонятно, никого из людей рядом не было. Посмотрев на номер, Иван безапелляционно заявил:

– Это – твой. Видно шофер не рассчитал скорость на заснеженной дороге и не вписался в поворот. Благо, что здесь местность ровная. Вряд ли кто-нибудь пострадал, иначе тут была бы милиция. И все-таки тебе повезло, что мы опоздали. А автобус завтра утром вытащат.

– Ну, и что теперь? – спросил Кольцов.

– Ехать тебе в этот городишко бесполезно. До утра уже автобуса не будет. Так что едем ко мне. Переночуешь, а завтра я тебя вывезу на трассу, перехватишь какой-нибудь попутный рейс.

Кольцов уже потерял ориентацию, где они находились. Он безнадежно кивнул и сел в кабину.

Ехать пришлось довольно долго. Они свернули с трассы и углубились на север в карельскую лесную глушь. Наконец, уже поздно вечером въехали в спящую деревню. Иван остановил машину у крыльца своего дома. Их встретила молодая симпатичная женщина, его жена. Сажин представил Кольцова как сослуживца, и они прошли через небольшую «гостиную» на кухню. Здесь умылись у ракушечника и сели за стол, который был накрыт достаточно скромно. Голодный Кольцов набросился на еду, а Иван сразу же начал пить водку. Кольцов изредка присоединялся к нему. Он не был трезвенником. Но так, как пил его напарник за столом, наливая себе один стакан за другим, он видел впервые. Ни на кого не обращая внимания и почти не закусывая, Сажин не остановился, пока не опорожнил первую бутылку.

Потом он сделал короткий перерыв на разговор с женой о делах деревенских и на закуску. После этого открыл вторую бутылку. Кольцов решил, что с него хватит, и встал из-за стола.

– Я хотел бы лечь спать. Очень устал, – обратился он к хозяйке. – Где Вы меня положите?
Нина заметно смутилась и ответила.

– Проходите в спальню. Там кровать. Можете ложиться.

Пройдя в комнату, Кольцов понял, что кровать в доме только одна. Ничего другого похожего не было. Он вернулся на кухню и спросил Нину:

– А как же Вы? Где Вы будете спать?

Она спокойно ответила:

– Вы не беспокойтесь. Я здесь на кухне устроюсь. Мне не впервой...

Иван, уже заметно охмелевший, не обращал на обоих никакого внимания. Кольцов устал настолько, что не стал ничего выяснять. Он просто ушел и упал на кровать. Заснул моментально. Проснулся, когда Сажин полез на кровать через него. Тогда он встал и пошел на кухню.

Здесь Нина, уже убрав посуду со стола, в темноте сидела на табурете у окна.

– Который час? – спросил Сергей.

– Полчетвертого, – ответила женщина. – Вы, почему не спите?

– Уже выспался. – Кольцов присел рядом. – Вы, что будете так сидеть до утра? Идите, поспите.

– Нет, не хочу. Я уже привыкла. Мне часто приходится ночевать на кухне. Когда Ваня напьется, он выгоняет меня из спальни.

– И часто он так пьет?

– Часто, – коротко ответила она.

После молчания спросила:

– Вы, действительно, выспались?

– Да, мне много не надо. Я привык спать мало.

– Тогда уходите, – неожиданно сказала она.

Кольцов опешил.

– Что я Вам сделал? Почему вы меня гоните в ночь?

Женщина опять помолчала. Она все время сидела к нему спиной, глядя в окно на пустынную улицу, освещавшуюся единственной лампочкой, висевшей на телеграфном столбе.

– Извините, Вы меня не так поняли. Я Вас не выгоняю. Я Вас прошу.

Она говорила тихо, медленно, с трудом.

– Я знаю, что произойдет утром. Он выпил вторую бутылку. Никуда он завтра Вас не повезет. Он проснется злой на весь мир. Будет искать повода сорвать на ком-нибудь свою злость. И Вы можете подвернуться ему под руку. Тем более, – по тону, Кольцов почувствовал, что женщина улыбнулась, – что мы провели с Вами ночь вместе. Вам не надо с ним связываться. Ничего Вы ему не объясните. Так что лучше, если Вы уйдете до того, как он проснется.

– Как вы здесь оказались? – — Спросил Кольцов. – Вы же – городская. Я вижу и слышу по Вашей речи.

– А зачем Вам это знать? Впрочем, это – не секрет.

Нина опять помолчала. Кольцов закурил.

– Я приехала сюда несколько лет назад по распределению. После окончания Петрозаводского пединститута. Там у меня жила мама. Сейчас ее уже нет. Работала здесь в школе. Теперь даже стала директором. Школа небольшая. Всего несколько десятков учеников. Но я к ней привыкла и мне нравится моя работа. Меня здесь уважают.

Нина сделала паузу.

– Вскоре после приезда вышла замуж. Здесь в деревне молодой девушке иначе нельзя. Ваня только пришел из армии. Вы видели, он – симпатичный и, в общем-то, добрый. И сначала было все хорошо. Ну, а потом... – приятели. В деревне же делать нечего. Ни кино, ни

телевизора. Даже радио нет. Стал пить. И чем дальше, тем больше. Как напьется, так становится другим человеком... Наверное, из-за этого у нас нет детей.

– Почему Вы не разведетесь с ним?

– Вы что? В деревне разводов не бывает!

– Так уезжайте!

– — Куда? В такую же деревню, как эта. Так, там то же самое. Тут меня знают. У нас свой дом. Я привыкла. Да, и Ваня не хуже других. Нет, здесь мне жить...

Помолчали. Женщина продолжала смотреть в окно на улицу.

– Хорошо, – сказал Кольцов, – я уйду, как только рассветет.

– Нет, Вам лучше уйти сейчас. Пока Вас никто не видел. Да, и до трассы добираться далеко. Вы, как раз к утру выйдете к ней. А там, может быть, поймаете машину из Суоярви. Утром большая вероятность, чем днем.

Кольцов понял, что женщине тягостно присутствие постороннего в доме...

Он вышел на ночную улицу и направился по дороге, по которой они приехали. Выйдя из деревни, он оказался на лесной проселочной дороге, которая освещалась только звездами. Снега здесь было мало, но небольшой мороз ощущался. Поэтому он шел бодро. Когда он вышел к трассе, стало светать. И только тогда он вспомнил, что сегодня – воскресенье. Значит, вероятность появления машины на этой глухой дороге чрезвычайно мала. Но другого выхода не было. До Суоярви было очень далеко, пешком не дойти. Оставалось ждать.

Однако ему повезло. Примерно через час издалека показалась небольшая грузовая машина. Когда она остановилась, Кольцов увидел, что в кабине рядом с водителем сидят две женщины.

– Только в кузове, – сказал шофер. – — Выдержите?

Машина шла прямо в Петрозаводск. Кольцов полез в кузов, и грузовик рванул вперед по пустынной дороге. Прижавшись спиной к кабине, он пожалел, что на нем вместо надежной армейской шинели тонкое демисезонное «финское» пальто, в котором он непредусмотрительно отправился служить в армию.

Примерно через два часа они въехали в Петрозаводск. Окоченевший Кольцов с трудом спрыгнул на землю, ни ног, ни тела он не чувствовал. К счастью до его дома пройти было недалеко. Идя по улице просыпавшегося города, Кольцов ощущал себя вернувшимся с другого «света». В своей квартире, после горячего душа и за чашкой черного кофе, ему уже казалось, что прошедший месяц был лишь фантастическим сном. Тем более что ни фотографий, ни военной формы, ни каких-либо других вещей «на память» у него не осталось.

– Ты, где был? – с сарказмом спросила жена. – Мне уже звонили, все мужики вернулись в Петрозаводск еще вчера.

– Ты, моя дорогая, не поверишь. Я, кажется, был в армии...

«Литературный Севастополь» №5. – Севастополь: «Вебер». 2008.

Стерва

Шло заседание бюро райкома партии. Рассматривалось «дело» коммуниста Кольцова.

Членом партии Кольцов стал совсем недавно, всего два года назад. Это случилось неожиданно, когда он уже перевалил через свое тридцатилетие. Его две предыдущие попытки «вступить в партию» завершились неудачами. До сих пор как-то он и партия не могли найти общего языка. Ну, не нужны были такие люди, как Кольцов, правящей в стране компартии.

Но, как заметил известный греческий философ, «все течет, все изменяется».

Через три года его беспечного пребывания в консерватории ситуация в этом богоугодном заведении изменилась. За это время Кольцов защитил кандидатскую диссертацию в Ленинградском университете. И в течение последующих двух лет ничто не предвещало серьезных перемен...

И вот на неожиданно освободившееся место заместителя директора по учебной работе из райкома партии прислали «товарища» Мордвинову. Эта высокая и сухая женщина с безликой внешностью и энергичным характером, уже отметившая свой полувековой юбилей, была типичной партийной «активисткой». Большую часть своей жизни она посвятила правоохранительным органам. В консерваторию ее направили с должности начальника исправительно-трудовой колонии для несовершеннолетних. В классической музыке она разбиралась на уровне «Мурки». Но, вероятно, партийное начальство сочло, что ее «педагогический опыт» крайне необходим для руководства высшим музыкальным заведением.

Консерватория – учебное заведение особого типа. Здесь своеобразно сочетаются полная самоотдача «специальности» и безалаберность ко всему тому, что не имеет к ней прямого отношения. Музыкант и дисциплина – это вещи взаимоисключающие. Коллектив преподавателей и студентов живет от концерта к концерту. В этом их смысл жизни и учебы. Учебный процесс держится на двух «столпах»: на способности ученика и на авторитете Учителя. Это накладывает отпечаток и на их личные отношения. Поэтому такие общепринятые в вузах вещи, как расписание, «посещаемость занятий», экзамены, отчеты и прочее – в консерватории весьма условны. Самое главное – это результат, то есть, в конечном счете, «отчетный концерт». Ради него в жертву приносится все: и учебный процесс и личное время.

Филиал Ленинградской консерватории располагался в обычной пятиэтажной панельной «хрущевке». Предполагалось, что это его временное пребывание. Макет будущего здания как экспонат для гостей стоял в кабинете директора. Пока же на первых трех этажах здания размещались учебные классы с небольшим концертным залом, а на двух верхних этажах находилось студенческое общежитие. Так что музыкальные занятия в «классах» практически не прекращались до позднего вечера.

С первых же дней своего появления Мордвинова стала наводить в консерватории «новый порядок». И начала она с преподавателей. Формально она была права: в основе учебного процесса, прежде всего, должна лежать дисциплина. Но это надо понимать... Музыканты – это люди «не от мира сего» и они беззащитны в столкновении с бескомпромиссной реальностью.

Музыкант подчинен, прежде всего, своей концертной программе. А с концертами преподаватели, в большинстве своем еще молодые люди, выступали много. И не только в городе и республике, но часто выезжали в Ленинград, и иногда за границу (Финляндия, Германия, Польша). Естественно, по этой причине, занятия со студентами не могли быть регулярными. Но студенты от этого не страдали, они умели заниматься самостоятельно.

От рвения нового «завуча» многие преподаватели пришли «в ужас», никакие объяснения во внимание не принимались. Владимир Китовин, сорокалетний доцент-пианист, директор филиала со дня его основания, был человеком либеральным и бесконфликтным. Он по-своему пытался урезонить своего рьяного заместителя, но возразить по существу не мог. Начались

«кадровые» проблемы. Почти все преподаватели приехали из Москвы и Ленинграда. У большинства из них своих квартир в городе не было. Так что кое-кто стал покидать консерваторию и уезжать в другие города.

Одной из первых не выдержала заведующая кафедрой «марксизма-ленинизма» доцент Кирьянова (сама в прошлом партийный работник) и ушла в университет. Кольцова вызвал в свой кабинет Китовин, который три года назад приглашал Кольцова на работу из Ленинграда, и в безапелляционной форме предложил «взять» кафедру. Но сначала необходимо было решить весьма «деликатную» проблему. Беспартийный не мог возглавить кафедру «марксизма-ленинизма». Этот вопрос быстро согласовали с горкомом, и вскоре Кольцов стал кандидатом в члены партии. Почти одновременно он получил диплом доцента.

Первоначально Мордвинова отнеслась к Кольцову как своему «союзнику». И действительно, у него самого и в его учебных группах с дисциплиной было все нормально. Но отношения взаимопонимания у них все-таки не сложились. Опытная милицейская волчица была уверена в том, что легко подомнет под себя молодого щенка. Однако Кольцову уже приходилось по жизни сталкиваться с подобного рода партийными функционерами с не сложившейся личной жизнью. Он знал, насколько они непредсказуемы по умственной ограниченности и опасны из-за их мстительности. Все обычные человеческие чувства, в том числе и женские, у них давно атрофировались по причине невостребованности. Поэтому сразу же он установил дистанцию исключительно служебного общения, не позволяя ей вмешиваться во внутреннюю жизнь кафедры.

Кафедра «марксизма-ленинизма», объединявшая все общественные дисциплины, была небольшой – всего семь человек. Но это были опытные люди, – среди них Кольцов самый младший, – на которых он мог положиться. С учебными документами он быстро разобрался (сыграл свою роль опыт комсомольской работы). У него был авторитет в преподавательском коллективе, врагов не было. В личной жизни придаться было не к чему.

Мордвинова это понимала, как и знала о том, что у него хорошая поддержка в горкоме партии, где его ценили как активного лектора. Поэтому она вынуждена была взять «тайм-аут», тем более что ей хватало забот с другими заведующими кафедрами (многие из которых были не на много старше Кольцова). «Разборки» на Ученом совете приобрели постоянный характер.

В конце концов, у директора не выдержали нервы. Посреди года он бросил консерваторию и вернулся в Москву к своей семье. Это потрясло весь коллектив. Китовина уважали как музыканта и любили как руководителя. Быстро назначили нового директора, Вячеслава Колодкина – «народника» -баяниста, бывшего до этого председателем профкома. Кольцов знал его еще со времен аспирантуры в Ленинградской консерватории. Слава был компанейский парень, большой и веселый чревоугодник. Его дом с гостеприимной женой Клавой и двумя умными дочками служил часто убежищем для бездомных холостяков. Сложилась даже традиция: после праздничных демонстраций заходить к ним на обед. Но к его назначению Кольцов отнесся без энтузиазма. Жизненный опыт ему подсказывал, что дружба и подчинение – вещи трудносочетимые.

Колодкин никогда никем не руководил, он не был даже заведующим кафедрой. Его назначение для многих оказалось неожиданным, так как, по не писаной традиции, руководителями музыкальных учреждений становились представители «классических» специальностей. Все понимали, что здесь не обошлось без участия Мордвиновой. При покладистости характера нового директора, она фактически становилась безальтернативным руководителем консерватории.

Кольцов чувствовал, что теперь она всерьез возьмется за него. Но не мог предугадать, с какой стороны будет нанесен удар.

И вот однажды к нему на кафедру нагрянули инспекторы КРУ, самой страшной организации после КГБ. Визит был столь же неожиданным, сколь и нелепым. Кафедра – это не самосто-

ятельное административно-финансовое учреждение. Двое вежливых молодых визитера начали с заявления, что их посещение «не официально», так сказать, «без протокола». Они ознакомились с кафедральными учебными документами и быстро нашли то, что искали. Дальше речь пошла о распределении учебной нагрузки преподавателей, как нарушении «финансовой дисциплины».

Собака здесь была зарыта в том, что преподавательская нагрузка в вузе делится на две части: на учебную и научно-методическую, распределение между ними строго не установлено, но определена общая сумма часов. Это, действительно, относилось к компетенции заведующего кафедрой. Но какая в консерватории «научная» деятельность, тем более для «общественников»? В то же время обеспечить стопроцентную нагрузку только «учебными» часами по шести предметам невозможно из-за малочисленности студенческого контингента. Это – довольно распространенная ситуация в провинциальных учебных заведениях и на нее всегда смотрели «сквозь пальцы».

Кольцов был спокоен. У него лично, кстати, с «нагрузкой» было всё в порядке. Он объяснил «гостям», что это вопрос не его уровня, и они пришли не по адресу, им следует поговорить с заместителем директора по учебной работе. Ревизоры поняли, что «на пушку» его взять не удалось, и ретировались со словами: «Тем не менее, Вы, Сергей Михайлович, подумайте. У Вас могут быть проблемы».

Колодкин его успокоил: «Не обращай внимания, Серёга. Это – не их собачье дело». Но Кольцов догадывался, что это – «предупреждение» от Мордвиновой. В горкоме партии его подозрения подтвердились. Секретарь по идеологии Нина Васильевна Смирнова, бывшая учительница, с которой у него сложились взаимоуважительные отношения, предупредила его.

– С этим визитом из КРУ мы разберемся. Наверняка, это самодеятельность. И ты прав, инициатива, похоже, исходит от Мордвиновой. Она одно время там работала. Здесь в горкоме она уже пыталась тебя скомпрометировать, но не получила поддержки. Но будь осторожен. Я ее хорошо знаю. Эта стерва способна придумать такую подлость, что мы не сможем тебе помочь.

Это Кольцов понимал, но сдаваться не собирался. Мордвинова, получив отпор, больше не проявляла открытой агрессивности. Внешне все было благопристойно. Но теперь он знал, что она готовит что-то серьезное против него.

И всё-таки то, что произошло, застало его врасплох...

На расширенном бюро райкома партии обсуждался вопрос о работе консерватории «по воспитанию студентов в свете решений XXV съезда КПСС». Съезд прошел недавно, и постановка вопроса была вполне правомерна. Рядом с Кольцовым на стульях для «приглашенных» у стены сидели директор филиала Колодкин и секретарь партбюро Цветков, старичок-духовик. Вообще в музыкальных учреждениях чаще всего членами партии были либо «народники», либо «духовики», которые вступали в партию обычно во время службы в армии. Мордвинова сидела за столом как член бюро райкома, и она же делала доклад.

Мордвинова говорила обычными демагогическими трафаретами. Из ее пафосного словоблудия можно было извлечь только одну мысль, относительно того, что «коллектив консерватории... в целом выполняет задачи, поставленные съездом нашей партии». Но в обязательной «критической части», – здесь ее голос приобрел прокурорский тон, – прозвучало: «кафедра марксизма-ленинизма в своей работе допустила ряд серьезных ошибок...» и прочее. «Серьезные ошибки», в конечном счете, свелись к низкой успеваемости студентов.

Вроде бы так оно и было. Преподаватели «общественных» дисциплин испытывали некоторые трудности, студенты консерватории, по вполне понятным причинам, никогда не показывают здесь высокие баллы. Но, во-первых, общий уровень успеваемости по кафедре был не ниже, чем обычно. Во-вторых, известно, что успеваемость напрямую зависит от посещаемости занятий, а это – уже дело учебной части. И, в-третьих, причём здесь XXV съезд партии?

Мордвинова в своем пространным «докладе» ни разу не упомянула имя Кольцова. Но он знал, по опыту участия в подобных «разборках», что это ничего хорошего не значит. Продолжение последует по заранее разработанному сценарию. Так оно и произошло.

Обсуждение началось с выступления Колодкина. Напуганный до полусмерти значимостью происходящего, Слава мямлил что-то, вроде того, что «мы согласны с критикой, с одной стороны...», «мы учтем высказанные замечания, с другой стороны...», «мы обещаем неукоснительно следовать указаниям партии...» Слушая эту ахинею, Кольцов вспоминал Китовина, при котором, несмотря на его интеллигентность, такой фарс был бы невозможен. Ему самому, естественно, слова не дали. Ведь его имя пока не упоминалось. Вызываться самому было не принято. Он знал правила игры.

Стали высказываться члены бюро райкома. Обсуждение шло по накатанной колее. Секретарь райкома был человеком новым, переведенным из провинции. Они знакомы не были, так как Кольцов не относился к «номенклатуре» райкома. Поэтому рассматривать его «персональное дело» бюро райкома не могло. Однако на самом деле обсуждение доклада Мордвиновой обернулось в оценку «недостатков» в работе заведующего кафедрой «марксизма-ленинизма». Наконец, один из членов бюро, похоже, директор школы, прямо сказал то, что ждали все: заведующий кафедрой Кольцов, как коммунист, несет личную ответственность за... «невыполнение решений XXV съезда КПСС»!

На этом «подвели черту». В решении бюро острые формулировки были «сглажены», но основная идея была ясна: работа заведующего кафедрой Кольцова «не соответствует» требованиям XXV съезда КПСС. Обычный в таких случаях «выговор с занесением» вынесен не был. Райкомовцы понимали, что тогда им придется объясняться в горьком партии. А так, – ограничились «замечанием».

Кольцов ожидал нечто подобного, но поразился безграмотности «Постановления». Ни аргументов, ни объяснений, ни «фактов» в нем не было. Как приговор к «высшей мере» в 30-годы. Но это серьезное предупреждение означало, что продолжение не заставит себя долго ждать.

У него не было никаких иллюзий. Удар был нанесен точно. Он не боялся потерять звание заведующего кафедрой. Однако получить партийный выговор не за «бытовуху», а за идеологическое «несоответствие» – это конец профессиональной карьеры.

По дороге от здания райкома до своей служебной машины, где уже по-хозяйски расположилась Мордвинова, Колодкин пытался ему что-то говорить:

– Не бери в голову, старик. Ничего собственно не произошло. Относись к жизни проще...

Но Кольцов его не слушал. Он был ему уже не интересен.

В горьком партии, к Смирновой, он не пошел. Ей итак всё доложат. В утешении он не нуждался.

Дома с женой он обсуждать это не стал. Она была далека от его консерваторской жизни. Почти всю ночь курил на кухне. Нужно было всё трезво обдумать. Он вспоминал, с какими надеждами и планами он приехал шесть лет назад в этот забытый Богом городок. С тех пор он, фактически, добился всего того, что мог. Сумел преодолеть тяжелый психологический кризис, вызванный разводом, и создать новую семью. За стеной в кровати спала очаровательная годовалая дочка. Казалось, теперь все будет хорошо...

Но сейчас он должен принять решение. Конечно, еще пару лет тому назад он был бы готов продолжить борьбу с Мордвиновой. Он знал таких людей. Они достаточно циничны для того, что бы, сознавая свое ничтожество, не позволить другим напоминать им об этом. У них только один способ добиться цели: опустить человека ниже себя. Унизить его и растоптать. Таким людям нельзя поддаваться, иначе потеряешь самоуважение, предашь самого себя. Но в таком случае надо быть готовым ко всему, в том числе и к поражению. Это значит поставить на карту все. Сегодня он не хотел приносить свою жизнь, благополучие своей семьи на алтарь справед-

ливости. Тем более теперь ему не приходилось рассчитывать на чью-нибудь, даже моральную, поддержку. Он практически остался один на один с этой женщиной-монстром, которая, располагая милицейско-партийными связями, не остановится до тех пор, пока его не уничтожит.

Утром Кольцов позвонил заведующему кафедрой философии университета, который давно уговаривал его перейти к нему, и договорился о встрече.

Это решение изменило его дальнейшую жизнь...

«Fatum» – Канев: «Склянка Часы-Zeitglas». 2009

«Десант» в ночи

Лекторская фортуна Сергея Михайловича Кольцова забрасывала его в разные уголки Карелии. За десять лет он пересёк ее территорию, как говорится, вдоль и поперёк и по диагонали во все времена года и в любую погоду. Он без колебаний соглашался отправиться в любую глухомань, куда до него не ступала нога лектора. Он выступал в цехах заводов, на строительных участках, в леспромхозах, в воинских частях и, конечно, в клубах и школах. И чем глубже он забирался в карельские леса, тем гостеприимнее его встречали. Общение с самыми разными людьми, необходимость найти с ними «общий язык» давали хороший жизненный опыт. К тому же это была единственная возможность для доцента Петрозаводского университета «подзаработать». Он объездил республику на всех видах транспорта: на поездах, машинах, самолётах и пр. Однажды ему пришлось воспользоваться почти военным кораблём.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.